

Наталья Данилова
Собиратель слёз

роман-сказка

Наталья Юрьевна Данилова

Собиратель слёз. Роман-сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35481632

ISBN 9785448562815

Аннотация

Король Страх похищает новорожденного мальчика с уникальным музыкальным слухом. Именно ему предстоит стать главным героем романа «Собиратель слёз». Именно он будет вынужден служить Страху и выполнять своё великое предназначение. Однажды ему поручат уничтожить ОСТРОВ ДЕТСТВА, где живут добрые феи каждого месяца. Именно там начнутся невероятные приключения и открытия Собирателя Слёз.

Содержание

Деревня двенадцати привидений	6
Король Страх	11
Лаборатория	15
Докажи, что не боишься!	23
Мама, где ты?	29
Страшное задание	55
Остров детства	62
Сентябрина	76
Приключения начинаются	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Собиратель слёз

Роман-сказка

**Наталья Юрьевна
Данилова**

Иллюстратор Ирина Алексеевна Могутова

© Наталья Юрьевна Данилова, 2018

© Ирина Алексеевна Могутова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-6281-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта история родилась давно. Сейчас она является миру в обновленном виде – у моей сказки появились иллюстрации. Автор благодарит питерского художника-аниматора Ирину Могутову и всех, кто помог в реализации данного проекта: ООО «Путина» и лично Евгению Николаевну Синякову, Елену Щеголькову и Марину Милешникову, Марию Осипову и Екатерину Шакину, Татьяну Смирнову и Марину Туленкову, и конечно мою дорогую мамочку, самую добрую на свете волшебницу – Александру Алексеевну Феденко.

С любовью-ваша Наталья Данилова

Деревня двенадцати привидений

Глава, в которой все узнают о таинственном исчезновении младенца.

Деревушка Плакли, расположенная в юго-восточной Англии, и без того имела дурную славу. Рассказывали, будто ее окрестности облюбовали всевозможные призраки. Сегодня Плакли снова гудела, словно растревоженное осиное гнездо. Общественность переполошилась не на шутку.

– Вы слышали, у Эммы Эмерсон похитили ребенка?

– Как? Когда?

– Да, среди бела дня.

– Говорят, она в доме была, с мальчиком рядом, даже не выходила никуда, отвернулась только, глядь, а его уж и нет. Так кричала, бедняжка!

– А муж что же?

– В город поехал, за констеблем.

– Да как такое может быть?

Община собралась на самой окраине Плакли, возле поместья полковника Найджела Эмерсона, у которого при странных обстоятельствах неизвестные похитили новорожденного сынишку.

«Роузкорт» – так назывался дом, принадлежащий полковнику Эмерсона и его жене Эмме, – был расположен в непосредственной близости от леса. И кое-кто из селян был уверен, что какой-нибудь зверь мог незаметно проникнуть в дом и утащить ребенка.

– А я вам говорю, это дело рук старой цыганки. Не зря она шастает по дворам уж который день. Сам видел. Трубка в зубах, шаль вся изодрана, а глазами, как волчица голодная, так и зыркает по сторонам, – заявил трактирщик Майк и смачно затянулся, недавно привезенным из города свежим табачком.

– Эмма – бедняжка. Чем же ей помочь? За что это судьба ее так наказывает? – с сочувствием вздохнула соседка Эмерсонов миссис Дженкинс.

– Ой, нечисто тут у нас, надо бы священника позвать, – подытожил кто-то из толпы.

За деревней Плакли давно закрепилась слава гиблого места. Поговаривали, будто ночами частенько здесь слышно, как по дороге в соседний Малтманз Хилл едет из Плакли призрачная карета, запряженная четверкой лошадей. И скрип колес, и лошадиное фырканье – не отличить от настоящих, да только невидимы они глазом. А кто-то уверял, что рядом с церковью Сен-Николас, где покоится прах прекрасной леди Деринг, умершей еще в двенадцатом веке, видели ее призрак, разгуливающий с красной розой в руках.

– А ведь в семи свинцовых гробах похоронили кралеч-

ку, – рассказывал подвыпивший сапожник Тимоти местным ребятишкам.

– Как это в семи? – затрясся не на шутку испугавшийся сынок лекаря, веснушчатый Ларри, которого из-за удивительно конопатого лица деревенские мальчишки дразнили «Расти» или «Рыжик». – Зачем?

– А затем, чтоб не выбралась ненароком, да тебя не стала искать, – продолжал свой жуткий рассказ старик, который, казалось, еле держался на ногах от выпитого за день. – Эти семь гробов еще в дубовый сундук поставили и в подземном склепе под церковью захоронили. Да только привидению-то что эти семь гробов, тьфу, никакая не преграда. Да будь их даже сто! Ему все нипочем. Ведьма она была при жизни, эта леди!

– И за что это на Плакли напасть такая? Не успели от пожара поместья Дерингов опомниться, а теперь – ребенка украли, – всхлипнул кто-то из толпы.

– Дерингам этим по заслугам досталось, зла они много другим людям при жизни причинили.

– А милой Эмме за что же такое наказание? – заохала старая Маделейн. – Надо ее как-то утешить.

– Нечего было гулять в лесу во время грозы, совсем страх потеряли, – не унимался деревенский всезнайка Сэм Хьюстон.

– А причем здесь лес? – насторожилась сердобольная Маделейн.

– А притом, – зло огрызнулся Хьюстон, – старые люди зря болтать не станут. Фрайт Корнер – это вам не фунт изюму, с ним шутки плохи.

В Плакли было несколько темных мест, про которые слагали всякие легенды и сказки. В том числе и Фрайт Корнер – Закоулок Страха, о котором музыкант Пол частенько пел в местном пабе. В грустной балладе рассказывалось о разбойнике, которого подстерегли у старого дуплистого дуба в лесу и вероломно закололи мечом. Но разбойник поклялся свести счеты со своими убийцами и стал каждую ночь разгуливать возле дуба, поджидая заклятых врагов.

– Эмма ходила во Фрайт Корнер? А ты откуда знаешь, Хьюстон?

Сэм, не спеша, и внутренне очень довольный тем, что привлек всеобщее внимание, начал рассказывать:

– Ездил я год назад на старую мельницу, к отцу ее, Джеку. Жив был тогда еще старый курилка. Ну, закончили мы дела, я у него в тот день муки на год вперед купил. Сидим с ним за стаканчиком старого эля, тут он мне он и говорит, дескать, ума не приложу, как беду от дома отвести?

– А что такое? – поинтересовался я.

– Да, дочка моя, Эмма, вроде как умом тронулась. В Закоулок Страха повадилась ходить. Да все норовит пойти, как только гроза начинается. И не боится.

– Это что ж, в то самое место, к дуплистому дубу, где разбойника прикончили? – удивился я.

– Туда, туда, – вздыхал мельник. – Я уж ее и распекал, и уговаривал. Не к добру это, не ровен час, молнией ударит. А она как зачарованная.

– Хоть человек я хладнокровный, не склонный к суевериям, но от этих слов Джека, а больше от его потерянного вида, верите, у меня мурашки по телу побежали.

И тут толпа увидела заплаканную Эмму, которая вышла на крыльцо. Она каким-то рассеянным взглядом оглядела соседей и грустно произнесла:

– Я сама во всем виновата. Была гроза. В дупле было темно. Он требовал отдать ему того, кто должен родиться, и я обещала. Это Страх Смерти отнял моего мальчика.

Земля поменялась с небом местами, и Эмму поглотила тьма.

Король Страх

Глава, в которой раскрывается тайна похищения мальчика из Плакли.

Нет на свете ни одного человека, который бы не испытывал страха. Нет человека, который никогда не чувствовал бы его присутствия. Вот он, где-то здесь притаился за шкафом в темной комнате. Или вдруг преследует тебя мысль, что ты кому-то не нравишься или не справляешься с поставленной задачей. Но увидеть воочию самого Короля Страх доводилось немногим.

Мальчик, которого выкрал Король Страх у Эммы Эмерсон, оказался редким исключением из правила. Он не просто видел его каждый день, но и жил в его хрустальном замке, за прозрачными стенами которого неистово бушевал Океан.

Король Страх дал ребенку странное имя – Крикуль-Музыкуль. Но странным оно могло показаться только непосвященному. В этом имени заключалась роковая тайна похищения мальчика.

Сын Эммы и Найджела Эмерсонов обладал уникальным музыкальным слухом и мог улавливать самые тихие и самые отдалённые звуки на расстоянии многих километров. О его таланте Король Страх знал задолго до появления Крикуля на свет.

– Раз в тысячу лет рождается такой исключительно талантливый ребенок у обычной женщины. Он обладает даром великого священного Хеймдалля из Химинбьерга, стража богов, что живет у края небес. Так же, как Хеймдалль, этот мальчик будет слышать, как растет трава на земле и шерсть на овце. Уж я-то сумею воспользоваться его талантом, – размышлял вслух коварный и всемогущий Страх.

Пока малыш жил с родителями, имени у него не было. Они просто еще не успели выбрать ему имя. Эмма обращалась к нему просто и ласково: «Мой мальчик», а папа звал Крикуном, поскольку громкий и непрекращающийся крик младенца мешал ему спать.

– Когда, наконец, замолчит этот Крикун? – недовольно

спрашивал разбуженный Найджел.

– Он будет великим певцом, наш мальчик, – успокаивала мужа Эмма, нежно покачивая малыша.

Но судьба распорядилась иначе, и их сын, названный Крикулем-Музыкулем, с раннего детства стал обучаться совсем иному ремеслу.

* * *

Звуки детского плача, резкого и пронзительного, жалобного и беспомощного, постоянно окружали маленького Крикуля. С первых дней жизни его сопровождали звуки чужой боли и страдания. В фонотеке Короля Страха на тысячах пленок была записана самая страшная музыка в мире – детский плач. Со временем Крикуль стал хорошо разбираться во всех оттенках крика невидимых детей.

– Слушай, Крикуль, слушай! Это мальчишка орет – его шершень укусил. Больно ему! А это капризная девчонка истерику закатила в магазине игрушек.

Король Страх знал толк в воспитании настоящих злодеев. Привычка слышать плачущих детей должна была внутренне закалить Крикуля и породить в его душе равнодушие.

Позже, когда Крикуль стал совсем большим, он отлично справлялся с аппаратурой фонотеки, склеивал между собой отрывки разного рода детского крика и устраивал жуткие, душераздирающие концерты.

– Блеск! – радовался Страх, слушая эти произведения. – Ты прирожденный Маэстро! Это новое слово в истории музыкального искусства. Ты настоящий Композитор Крик, недаром я дал тебе такое звучное имя – Крикуль-Музыкуль! И Страх, в приступе восторга, больно трепал щёку юного дарования.

Замок Короля Страха, в котором жил Крикуль, был огромен. Вряд ли кто-то кроме самого Хозяина хорошо ориентировался в его многочисленных лабиринтах. Но даже когда Крикуль подрос и смог самостоятельно ходить, о свободном передвижении по Замку Короля Страха не могло быть и речи. Этот строжайший запрет был усвоен Крикулем-Музыкулем раз и навсегда. Мысль нарушить приказ Отца никогда не приходила ему в голову. Безоговорочное выполнение слова Короля Страха было для Крикуля непреложным законом. Так уж он был воспитан Рукой, которой Король Страх поручил заботиться о мальчике. Кто такая Рука спросите?!

Представьте себе толстенную, гигантских размеров – почти до самого потолка – человеческую кисть. Это и была его нянька. Никого другого, кроме Короля Страха и Руки, он не видел с самого рождения. Поэтому и ничего удивительного в этом для Крикуля не было. Рука растила его с самого раннего возраста. Никаких нежностей от Руки ожидать не приходилось. Она была для него скорее строгой надзирательницей. Любое неповиновение со стороны воспитанника беспощадно и неминуемо каралось наказанием.

Лаборатория

Глава, в которой рассказывается о великом предназначении Крикуля.

Когда Крикулю исполнилось пять лет, Рука перевела его в соседнее помещение-лабораторию. После фонотеки крика лаборатория на долгие годы стала его новым домом. Все здесь было Крикулю в диковинку – и многочисленные склянки на полках, и тяжелые толстенные книги, которые Крикулю предстояло изучать, чтобы стать настоящим злым волшебником. Но больше всего его поразили невиданных размеров шкаф, который выпячивал свое покатое брюхо.

– Это – холодильник! – коротко и непонятно объяснила Рука. – Не смей к нему прикасаться. Со временем Его Величество Король Страх сам расскажет тебе, для чего он нужен. А пока спать!

Рука дала Крикулю крепкую затрещину, на всякий случай, чтобы не вздумал возражать, и, выключив свет, отправилась в свой угол. Крикуль послушно поплелся к кушетке, лег, и уже в темноте продолжал всматриваясь, разглядывать лабораторию.

Сделать это было нетрудно, ведь в отличие от фонотеки,

где имелось лишь одно небольшое окошечко под самым потолком, здесь целая стена была прозрачной, и дневной свет освещал все предметы, которые его окружали. Для маленького затворника такой переезд оказался самым настоящим приключением. И Крикуль впервые в жизни почувствовал себя вполне счастливым.

Назавтра ему предстояло узнать о предназначении холодильника, а заодно и о том, зачем он сам появился на свет.

– Внимательно слушай, Крикуль-Музыкуль, и запоминай! – Король Страх приступил к первому уроку. —

Тебе предстоит изучить все, что должен знать и уметь настоящий волшебник. Придет время, и ты станешь непревзойденным **собирателем слёз**.

Крикуль пока не понимал ни слова, но слушал Короля Страх, затаив дыхание.

– Быть всемогущим волшебником – завидная участь. Чувствовать свою власть над более слабыми существами, что может быть прекраснее? – наставлял его Король Страх. – Тебе будут все завидовать. Это такое сладостное, ни с чем не сравнимое чувство – ощущение превосходства. Благодаря мне ты, Крикуль, стал избранником. Когда ты будешь готов, то сможешь звать меня Отцом. Понял?

Крикуль хотел было сказать, что ровным счетом ничего не понял, но, побоявшись разозлить Короля и вечно недовольную няньку, тихонько произнес:

– Понял.

– Рука, объясни ему, что тут к чему, и приступайте к делу, – строго приказал Страх. – Надеюсь на твою преданность.

– Не извольте беспокоиться, Ваше Величество, – подобострастно ответила Рука, склонившись в низком поклоне.

Как только Король Страх исчез, Крикулю объяснили, что он будет долго-долго, старательно-старательно учиться на злого волшебника, которому предстоит всю жизнь собирать детские слезы.

– Ничего трудного. Как они глотки дерут, ты вроде слышишь лучше других, даже на другом краю света. Так?!

Рука держала мизинцем и большим пальцем тряпку, которой смахивала пыль с полок. Она сновала по лаборатории, ни на минуту не останавливаясь, и при этом излагала свои наставления:

– Как услышал – плачет, – ты тут как тут – слёзки собрал в скляночку, да и обратно. А здесь, в лаборатории, сольешь слезки в бутылки, замеришь. Сюда вот, в журналчик запишешь, что мол, так мол и так, слез, мол, такое, мол, количество. И разольешь в эти формочки.

Рука стала доставать с верхней полки поставленные друг на друга, напоминавшие башню, прямоугольные жестянки. Конструкция не удержалась, и с грохотом рухнула на пол. – Ну, что стоишь истуканом? Собирай немедленно, паразит! Крикуль кинулся помогать. А Рука тем временем продолжала инструкцию:

– Вот, в эти формы будешь заливать слезы-то. А потом...

Рука, надсадно крякнув, с силой открыла замок холодильника. Крикуль с любопытством заглянул внутрь. В холодильнике не было ровным счетом ничего, кроме решетчатых металлических полок.

– А потом будешь их морозить тут. Слезы-то! Понял? – выдохнула запыхавшаяся от напряжения Рука.

– А зачем? – спросил несмышлениш.

– А затем, что это будут уже не слезы.

– А что?

– А то! Кирпичики это будут, вот!

– Какие кирпичики? – снова не понял Крикуль.

– Ой, бестолочь, вот тупень, – начала заводиться Рука, но, сдерживаясь из последних сил, чтобы не поколотить недогадливого воспитанника, произнесла: – Самые что ни на есть крепкие. Из чего замок-то наш, с виду хрустальный, построен, а? Дурья твоя башка. Глянь!

И Рука подвела Крикуля к прозрачной стене, за которой бушевал Океан. Рука постучала по стеклу.

– Не стекло это, а замороженные детские слезы, смекаешь?

– Нет! – Крикуль никак не мог взять в толк, как слезы могут превратиться в кирпичи, из которых можно построить замок.

– Не зли меня, по-хорошему говорю. Это химия такая, называется по-научному. Подрастешь – поймешь. А будешь артачиться, прихлопну так, что только мокрое место от тебя

и останется. Теперь понял?!

Крикуль молча кивнул, повинувшись грубости и силе.

С годами он постиг науку чародейства. Его учителями стали старинные **книги великих таинств**, которые передавали Крикулю свои знания.

Во время лабораторных работ Крикуль действительно убедился в том, что из детских слез получают наипрочнейшие прозрачные слитки – самый надежный строительный материал в мире.

* * *

Неумолимо летело время. Прошло еще пять лет жизни Крикуля в замке Короля Страха. Отец – теперь Крикуль мог его так называть – в последний раз наставлял пасынка перед началом настоящего дела.

– Собирать детские слёзы – это не просто важная работа, это твое предназначение, Крикуль-Музыкуль. Это – твоя судьба, – Король Страх уже не в первый раз беседовал с Крикулем на эту тему. – Ты единственный в мире сможешь достойно справиться с этой задачей.

Страх старался говорить тихо и ласково, но Крикуль знал, что в любой момент Отец может взорваться и от его благостного расположения духа не останется и следа. Так уже бывало и не раз. Крикуль старался не слишком расслабляться и не вступать в разговор без необходимости. Однако, при

этом Крикуль испытывал что-то вроде гордости за свою исключительность.

– Ты – гений! Уникум! И я горжусь тобой! Пришла пора перейти от теории к практике. Готовься. Завтра в путь!

Превратиться в невидимку для Крикуля было также просто, как десятилетнему мальчику зашнуровать ботинки. Раз и готово!

Перемещаться в пространстве, в любую точку планеты, оказалось тоже делом нетрудным. Кроме того, это было еще и страшно интересно. Достаточно было одного урока Отца, чтобы Крикуль ухватил суть происходящего, буквально налету!

– Встань ровно, – Король Страх не любил повторять дважды, и Крикуль привык повиноваться безоговорочно. – Скрести руки перед собой, вот так! Смотри в одну точку, сконцентрируйся, – голос Короля Страх был тверже стали. – Представь себе место, где ты должен очутиться. Включи воображение. Замри. Старайся не моргать. Всматривайся до тех пор, пока не просочишься и не окажешься где нужно. А попасть нам необходимо туда, откуда доносится наш главный ориентир – детский плач. Слышишь?

Король Страх испытующе взглянул на сосредоточенное лицо Крикуля. Крикуль почти все время отчетливо, даже если ребенок плакал на другом конце света, слышал детский рев.

– Слышу!

– Ну, тогда поехали!

После нескольких тренировок перемещение в пространстве у Крикуля стало выходить довольно легко, почти без сбоев. Сейчас, вместе с Отцом, который пожелал на первый раз присутствовать лично, а заодно и принять экзамен, они прибыли на место жуткой драки. Двое мальчишек мутузили друг друга с таким остервенением, что другие ребяташки никак не могли их разнять. Сцепившись, горе-гладиаторы походили на странное, изрыгающее ненависть, пыхтящее, сопящее существо с двумя парами рук и ног – этакий двуликий андрогин. Вдруг один из мальчишек схватил другого за волосы и с силой начал отдирать от себя. Забияка изловчился и зубами вцепился в щеку противника. Укушенный издал такой дикий вопль, а затем такой по-волчьи протяжный вой, что почти мгновенно как ветром сдуло и его обидчика, и всех невольных зрителей этой безобразной потасовки. Слезы градом полились из глаз раненого. Пытаясь остановить кровь, которая сочилась из раны, боец сдавливал щеку ладонью. Он, конечно же, не замечал вокруг ровным счетом никого.

Тем более Страха и невидимку Крикуля, который пытался пристроиться перед раненым с небольшой склянкой для сбора слез.

– Ничего трудного в этом нет, – Страх был очень доволен всем увиденным. – Лови, лови же! Ни одна слезинка не должна пропадать зря. Видишь, какие звереныши? Как

ненавидят друг друга. Помни же, сынок! Весь мир состоит из зла. И зло правит миром!

Но Крикуль почему-то не испытал от этого зрелища ничего, кроме страха. Первый показательный урок по сбору слез закончился. Теперь ему предстояло заниматься этим самостоятельно.

Докажи, что не боишься!

*Глава, в которой
рассказывается о том,
до чего доводят
опасные детские игры.*

Все попытки местной полиции разобраться в причинах исчезновения сына Эмерсонов из Плакли не дали результатов.

Каждый раз, когда Рой Харрисон, которому было поручено вести это дело, пробовал нащупать хоть какие-то зацепки, показания так называемых свидетелей происшествия заводили его в тупик.

– Деревня Плакли – это проклятущее местечко, сэр! – докладывал он своему непосредственному начальнику, констеблю Портеру. – Поверьте, здесь живут одни придурки. Они постоянно морочат мне голову. Вот, смотрите, это показания трактирщика Майка Спенсера! – Рой достал из ящика стола исписанный лист бумаги. – Эта скотина, простите, сэр, утверждает, что видел, как возле дома Эмерсонов в день, когда исчез их сын, все время крутилась подозрительная особа – цыганка из местных. Я спросил у Майка: кто такая и где проживает? Вот, вот, читайте? Это его дословный ответ.

Харрисон положил лист перед Портером, и тот прочёл вслух следующее:

– Призрак цыганки, сожженной в прошлом веке, на перекрестке двух дорог, перед самым въездом в Плакли, чаще всего появляется вблизи бывшего имения леди Де-ринг, которая жила в этих краях еще в двенадцатом веке.

– Ну как вам? А? Йоркширская свинья! – ударил кулаком по столу раскрасневшийся Харрисон. – Верите, сэр, я еле удержался, чтобы не дать ему, простите, сэр, в его свиное рыло. Говорить такое представителю власти!

Констебль, сидевший в черном кожаном кресле, все время кривил рот. После недавнего инсульта нервный тик мучил его каждый раз, как он начинал выходить из себя.

– Да, темное дельце! Я сам, бобби, опрашивал потерпевших сразу, по горячим следам, и у меня тоже создалось впечатление, что они вроде как не в себе. Но я списал это на переживания.

Портер встал и прошелся по комнате.

– Эмма Эмерсон все время твердила о Закоулке Страха, где каждую ночь якобы бродит призрак заколотого разбойника. Но на прямой вопрос: кой черт её туда носил ночью, да еще в грозу, никакого вразумительного ответа я так и не получил.

– Вот! То-то и оно, сэр! То-то и оно!

– Ты сам-то веришь во всю эту муть?

– Да, ни боже мой! Я здравомыслящий, трезвый человек

из нормальной, набожной семьи. Упыри, вурдалаки, всякие там призраки и прочая чертовщина – это не по мне.

– Придётся закрывать дело. Боюсь только, что не миновать нам неприятностей. У этого полковника Эмерсона, говорят, есть кое-какие связи в министерстве юстиции.

– Ну и что с того? Приведение-то к делу не пришьешь!

– Да! Темное дельце. Темное!

* * *

Шли годы. В Плакли поговаривали, что Эмма Эмерсон совсем потеряла голову после того, как пропал ее новорожденный сын. Она почти не выходила из дома, жила затворницей и, хотя была еще совсем молодой, слышать не хотела о другом ребенке.

Загадочное происшествие в семье Эмерсонов по-прежнему вызывало живейший интерес у деревенских сплетников. И как только они собирались вместе, то непременно перемывали косточки Эмме и ее мужу Найджелу.

– Жаль мне Найджела, – вздыхал пьянчужка Тимоти, сдувая пену с третьей кружки пива. – Даром что полковник. За мучила его жена. Никакой жизни нет человеку.

Помощница трактирщика, колченогая Элис, наострила уши.

– Чем это Вам Эмма не угодила? Я, что-то не слышала, чтобы они скандалили.

– А по мне, так лучше бы скандалили, чем жить как в монастыре. Эмма, словно монашка, из кельи своей носу не показывает. Ходит будто привидение какое.

– Это ты правильно подметил! – поддержал сапожника Тимоти Сэм Хьюстон. Все деревенские называли его всезнайкой, он был «посвящен» в тайны каждой семьи.

– Я тут на днях случайно слышал разговор Эммы со старой бестией, этой нашей миротворицей, почтенной миссис Дженкинс. Эмма ведь только с ней и общается. Даже с мужем не разговаривает.

– Это как же «случайно слышал»? – хмыкнула Элис. – Верно, по обыкновению под окнами уши проветривал?

– А тебе что за печаль? Слышал, и ладно! – замахал руками Хьюстон. – Молчи, Элис! Сэму видней, где гулять. Ну и что?

– А то, – перешел на шепот Хьюстон, – что слышал я, как старуха Глория говорила Эмме, мол, роди еще ребенка, того ведь мальчика уже не вернешь. А Эмма ей: мол, боюсь я Страха. Это он моего сына украл и другого тоже украдет.

– Прямо так и сказала? – присвистнул Тимоти.

– Ну, да! И еще, мол, верю, что вернется мой сыночек, я его во сне все время вижу. Живой он.

– Ох, ты!

– А потом Глория возьми, да и спроси ее прямо в лоб: зачем, дескать, в Закоулок Страха ночью ходила, да еще в грозу? А Эмма ей: Игра у нас такая в детстве была, «Докажи, что

не боишься» называлась. Вся деревенская детвора в нее играла. И дочка Глории, Джесс, с которой Эмма дружила с пеленок, тоже, вроде бы, в их компании была. Так та Джессика, чтобы доказать, что не боится привидений, все на кладбище ходила, а Эмма – в Закоулок Страха, значит.

Иллюстрация художника Надежды Ильиной

– Я тоже слышала, что мой брат играл в эту, как ее, ну, в «Докажи, что не боишься», – присоединилась к разговору Элис. – На пепелище Дерингов сходил пару раз. Так отец ему таких «горячих» всыпал, что отбил охоту по ночам шляться, к привидениям в гости.

– Ну а Глория-то, что же? – Тимоти выпучил на Хьюстона совсем осоловевшие глаза.

– Сказала, что не верит, будто ее тихоня Джесс была на такое способна. А потом спохватилась и говорит: это же в детстве было, дурачились дети – понятное дело, – а сейчас-то что, мол, тебя заставило в лес идти?

Страх, говорит Эмма, Страх. Замучил совсем. Как одна оставалась, все мысли о смерти в голову лезли. А тут еще отец умер. Она совсем, дескать, и раскисла. Решила пойти, как в детстве, доказать себе, что ничего не боится.

– Вот они, шуточки-то, боком-то и вышли. Доигралась! А Игра, как в народе говорят, не доводит до добра!

Мама, где ты?

Глава, в которой Крикуль узнает, что слово «мама» имеет таинственную силу.

День не задался с самого утра. Крикуль открыл глаза и почувствовал, что его ресницы покрыты инеем. В лаборатории по заморозке детских слез, где он спал, был жуткий холод. Рука копошилась где-то рядом с холодильником.

Крикулю показалось, что встать он уже не сможет никогда. Все его тело колотило мелкой дрожью.

– Мама, где ты? – тихонько произнес он.

Рисунок Юлии Жидковой

Рука молниеносно бросилась к его изголовью и ударила так сильно, что Крикуля сразу же обдало жаром.

– Ты где это нахватался такой дряни? Это что за словечки? – Рассвирепевшая Рука повисла над головой Крикуля, готовясь устроить беспощадное побоище.

– Не бейте меня, Няня! – посиневший от холода Крикуль стоял рядом с кроватью, вжав голову в плечи.

Рука от негодования затряслась.

– Не учи меня, что мне делать, бить или не бить. Я спрашиваю тебя, негодный мальчишка, где ты слышал это запретное слово – «мама»? – Рука наклонилась над ним, и Крикуль почувствовал испепеляющий жар, исходивший от нее.

– Вчера слышал, когда слёзы собирал. У входа в лавку стоял малыш, он потерялся и все время повторял это... – Крикуль хотел было снова произнести: «Мама, где ты?», – но вовремя остановился, вернее, его остановили. Рука больно и горячо шлепнула по его губам.

– Ишь ты, заморыш, первый раз слетал по делам и уже нахватался всякой гадости. Не смей повторять за ними эти мерзкие слова! Одевайся, бездельник! Видишь, дверь холодильника заклинило. Иди, помогай!

Крикуль вместе с Рукой кое-как починили дверной замок холодильника. Пришлось изрядно повозиться.

Но несчастья на этом не закончились. Рука, собира-

ьясь ненадолго уйти, с хрустом трансформировалась. Тело ее сжалось так, что большой палец придавил первых три, а небывалых размеров указательный, единственно торчащий кверху, закачался, как метроном, со свистом рассекая воздух.

– Сиди тут у меня тихо, заморыш! Поешь, и за работу!

Крикуль молча выслушал грозное указание и при этом беспомощно заморгал, опасаясь новой оплеухи.

С Рукой нужно было держать ухо востро. Запросто может надавать тумаков ни за что, ни про что. Однажды, схватив Крикуля за ухо, она подняла его над землей и держала так целую минуту, показавшуюся ему вечностью. Потом ухо ужасно вздулось и долго болело. И это только за то, что во время чтения учебника по метафизике он на минуточку отвлекся и засмотрелся на Огненное Яблоко за стеклянной стеной лаборатории.

Иллюстрация художника Надежды Ильиной

Оно было самым ярким впечатлением в жизни Крикуля. Он любил наблюдать, как Океан выпускал Огненное Яблоко погулять по небу. «Наверное, это его сердце», – фантазировал Крикуль, любуясь чудесной картиной.

Огненное Яблоко, вырвавшись из груди Океана, бывало то алым, то бледно-желтым, то ярко-оранжевым. От него веяло спокойствием, умиротворением и благодатной силой. Никогда Крикуль не видел Яблоко злым или чёрным, каким бывал его Отец. Порой Крикулю удавалось дольше обычного понаблюдать за неспешной прогулкой Огненного Яблока по небу. Крикуль мечтал застать тот миг, когда оно вернется домой, обратно в Океан. Но каждый раз, когда Крикулю выпадала редкая возможность остаться в одиночестве и полю-

боваться этим чудесным зрелищем, Огненное Яблоко, продолжая свой неумолимый ход, пряталось от него за стенами замка Короля Страх.

– Это Солнце, дурья твоя башка, – наставления Руки всегда были обидными. – Нечего бестолку в окошко пялиться. Ничего интересного там нет. Готовься к экзаменам. Скоро учебе твоей конец, и будешь ты в поте лица, милаша, всю свою жизнь слёзы детские собирать. Помни о своем этом, как его, вели-и-ком предназначении.

Тогдашняя издевка Руки закончилась привычным, дежурным подзатыльником.

До того, как началась его работа по сбору слез, Крикуль почти всегда сидел взаперти. Лишь изредка громила Рука выводила Крикуля погулять на маленький балкончик в конце коридора. Здесь они стояли вместе с нянькой и «запасались кислородом», как она говорила. Но такие прогулки бывали редкими и случались только тогда, когда, по мнению няни, Крикуль заболел. Стоило ему чихнуть или закашлять, как она тут же вспоминала про моцион.

– Пошли немедленно на воздух, он тебя враз вылечит, – подхватывала его Рука, и они оказывались на балконе.

Крикуль всегда с жадностью вдыхал свежий, живительный воздух Океана, и болезнь действительно отступала.

Потом Рука возвращала Крикуля в привычную обстановку лаборатории, где он, словно забытый всеми отшельник, проводил всё свое время. Прозрачная стена была единствен-

ным окном в большой и загадочный мир. Иногда, уткнувшись лбом в холодную гладкую поверхность, он смотрел на живой Океан, который там, далеко внизу, грозился разбить своими могучими волнами замок Страха. Волны, вздохнув полной грудью и собрав силы, вырастали прямо на глазах Крикуля в водяных великанов. С разбегу ударялись они о прочные стены замка и беспомощно разбивались на тысячи мелких брызг. В лаборатории не должно было быть слышно утробного рокота могучего Океана, только острый слух великого Хеймдалля позволял маленькому затворнику улавливать, как из таинственных океанских глубин доносится эхо неведомой симфонии.

Иллюстрация художника Надежды Ильиной

Сейчас, когда строгая хозяйка лаборатории по заморозке детских слез вышла за дверь, Крикулем вдруг овладело жгучее желание последовать за ней и проследить, куда это она отправилась. Уж, не жаловаться ли Отцу?

* * *

Рука стремительно летела по запутанным коридорам замка. Она настраивалась на разговор с самим Хозяином и поэтому не замечала невидимого преследователя. В какой-то

момент Крикуль хотел было присесть на край фартука, который Рука забыла снять, и который, сбившись от энергичной ходьбы, волочился теперь сзади, но его осадил внутренний голос. Осмелевший сборщик детских слез все же передумал рисковать.

«Неподходящее для шалостей время, Крикуль, – прислушался он к собственным мыслям. – «Но куда это ее понесло?». Любопытство восторжествовало, и Крикуль-невидимка продолжил погоню за прислужницей Страха.

Мимо мелькали пролеты длинных коридоров, просторных холлов, каких-то комнат, закрытых или распахнутых настежь, – из-за спешки Крикуль не мог заглянуть туда, чтобы хорошенько рассмотреть их. Но, несмотря на это, у Крикуля все-таки возникло ощущение вполне обжитого пространства. Крикуль отчетливо слышал приглушенные голоса и какое-то еле уловимое движение.

Почему же его все время держат взаперти? Кого скрывали от него или, может быть, наоборот, он сам для кого-то был тайной за семью печатями? Мысли роились в мозгу Крикуля. Первое рискованное путешествие по владениям Короля Страха могло обернуться бедой. От этой мысли у Крикуля противно засосало под ложечкой. В этот момент он сильно пожалел, что нарушил строгий наказ Отца – никуда не отлучаться без разрешения, – но было уже поздно. Вместе с тем новое препятствие, возникшее перед Крикулем, давало ему шанс вернуться назад в лабораторию.

Они с Рукой, видимо, попали на нижнюю площадку одной из башен дворца. Абсолютно гладкая ледяная дорожка серпантином поднималась вверх. Рука, грузно опустившись на запястье, служившее ей опорой, сгруппировалась и начала стремительно подниматься по скользкой ленте. После нескольких виражей Крикуль потерял ее из виду. Его собственная попытка повторить трюк Няньки провалилась, и он почувствовал себя беспомощным. Крикуль сидел, обхватив ноги, и никак не мог вспомнить, что нужно сделать, чтобы преодолеть силу притяжения. И тут жгучее любопытство, которое подтолкнуло его на это рискованное предприятие, словно шепнуло в ухо: «Вспомни Первый Закон любого Волшебника: „Если что-то сделать нельзя, но очень хочется, то значит, это сделать можно!“»

Как только Крикуль мысленно представил свой стремительный взлет по скользкому серпантину, его мгновенно понесло вверх. Не успел он и глазом моргнуть, как догнал Руку, которая теперь почти летела по длинной мрачной галерее, сплошь уставленной какими-то скульптурами. Внезапно она остановилась, и Крикуль с разбегу чуть было не наскочил на нее.

Только сейчас, перед тем как открыть дверь кабинета, Рука заметила, что не сняла клеенчатый оранжевый фартук, от которого тошнотворно пахло каким-то дезинфицирующим средством. Нельзя было показываться перед начальством в таком неряшливом виде, и она, спохватившись,

быстро развязала тесемки и сложила фартук пополам. Потом еще раз пополам, и так до тех пор, пока он совсем не испарился. Вначале гордо выпрямившись, и приняв величественную осанку, Рука ловко, как тренированный гимнаст, сжалась в кулак таким образом, что ее средний палец своей костяшкой возвысился над другими пальцами. В ответ на ее стук за дверью раздалось грозное: «Входи!»

Крикуль незаметно проскользнул вслед за Рукой и оказался в приемной Короля Страха. Именно эти слова были написаны на двери снаружи. Он успел прочитать вывеску, пока Рука проделывала свой фокус с фартуком.

Перед Крикулем открылась невообразимо-фантастическая картина. За столом сидел огромный пухлый Рот, один только гигантских размеров Рот без лица и тела. Рот был густо намазан ярко-красной помадой. Из его недр вырывались ровные, обсыпанные сахарной пудрой кольца дыма. Но это был не дым, а самые что ни на есть пончики. Рот жадно поймал очередной пончик, готовый улететь от него к потолку, и смачно, с чавканьем пережевывал свой трофей. На столе, в замысловатой по форме пепельнице, дымился предмет, который напоминал сигару, но, скорее всего, это был агрегат по производству пончиков. Тоненькие ножки-ниточки в миниатюрных лакированных туфельках словно приросли к нижней губе и непринужденно болтались под столом, а из уголков Рта торчали, будто соломинки для коктейля, две ручки-тряпочки, энергично выстукивающие паль-

чиками какие-то тексты на клавиатуре.

– Что тебе? – недовольно прохрипел Рот и перестал шлепать по клавишам.

Рука заискивающе пролепетала:

– Мне бы к Самому, по очень важному делу.

– У Короля Страху совещание, он занят! – отрезал Рот и снова продолжил свою работу, остервенело, как из пулемета, лущуя клавиши-буквы.

– Ты что, не видишь, кто перед тобой?! – в голосе просительницы появились злые, нетерпеливые нотки. – Я ж, эта, Главного Воспитанника Нянька. Все в замке знают, что я пользуюсь этими, как их?! Особыми полномочиями, вот! Да! У меня обстоятельства эти, как их? – Рука сморщилась от мучительного напряжения. – Тьфу-ты, ну, как они? Моржовые, ежовые, ну, такие с фендибобером, – щелкая большим пальцем о средний, силилась вспомнить нужное слово неграмотная Нянька.

– Форс-мажорные обстоятельства, – с чувством явного превосходства произнес Рот.

– Точно! – с облегчением воскликнула Рука, но тут же сурово продолжила: – И ежели что случится, что-нибудь такое эдакое, форс-морс-жовое, то виноват в этом будешь ты. – Рука припугнула секретаря и выставила в его сторону длинный указательный палец.

– Надо было так сразу и говорить! Рот недовольно скривился, нажал кнопку селектора и тут же подобострастно про-

лепетал: – Ваше Величество, здесь Рука по очень срочному делу. Вы примете?

– Что там стряслось? Пусть заходит, – голос Отца прогремел будто из поднебесья.

Крикуль оцепенел от ужаса: «Что же теперь с ним будет?!» Позабыв о том, что он абсолютно невидим для постороннего глаза, Крикуль почувствовал себя разоблаченным. От излишнего волнения его движения стали такими неуклюжими, что, последовав за Рукой в кабинет Короля Страха, он тут же задел стоявшую у входа метровую фигуру какого-то клыкастого чудовища. Каменная Химера непременно упала бы и рассыпалась на куски, если бы не молниеносная реакция Няньки. Рука подхватила изваяние льва с козьим телом и змеиным хвостом и вернула его на место.

– Какая же ты неуклюжая, Рука! Нельзя ли поосторожнее? Чуть не разбила мою любимую игрушку.

Крикуль узнал голос Отца, но пока не мог разглядеть его самого. Рука продвинулась вперед, и перед Крикулем предстало зрелище, от которого тут же перехватило дыхание. Вокруг стола, занимавшего всю середину овального кабинета, сидел не один, а двенадцать Страхов. Все они были на одно лицо, и Крикуль сейчас не смог бы с уверенностью определить, кто же из них Отец. Двенадцать пар глаз устремились, как показалось Крикулю, прямо на него. Крикуль забился в угол у самого выхода, рядом с каменным изваянием Химеры, и замер.

Рука склонилась до пола и в поклоне произнесла:

– Простите, Ваше Величество, очень тороплюсь.

– Что случилось? Я слушаю.

Все Страхи молчали, кроме того, что сидел во главе стола.

– Видите ли, Ваше Величество... Как и велело Ваше Величество, я только выполняю указания Вашего Величества... – пролепетала Рука, но Страх тут же перебил ее.

– Говори короче. Не тараторь.

Застывшее, словно маска, лицо Короля Страха было белым как мел. Остальные Страхи тоже сидели без кровинки в лице. И все они так же, как Отец, которого Крикуль узнал лишь по голосу, внимательно слушали Няньку Главного Воспитанника.

«Вот, оказывается, кто он такой?!» – неожиданно для самого себя сделал открытие Крикуль.

– Дело в том, Ваше Величество, что мальчишка сегодня звал свою мать.

Страхи зашущукались и стали нервно переглядываться. Некоторые подскочили с мест. Только один главный Страх казался невозмутимым: он жестом прекратил суматоху, а Руке велел продолжать.

Нянька подробно рассказала о сегодняшнем пробуждении воспитанника и о его словах, которые ее очень обеспокоили.

– Ваше Величество, он так и сказал: «Мама, где ты?» – и это после первого же дня! Только раз побывал там, и на те-

бе. Даже не знаю, что-дальше-то будет? – Рука вошла в раж и трещала без умолку. – За ним нужен глаз да глаз. Он ведь всего лишь слабый человечиска, а значит, способен на любую подлость. Возьмет, да и начнет задумываться: «Откуда это он взялся?!» – или станет еще, чего доброго, искать собственную...

Рука не успела договорить. Крикуль хорошо видел, как из глаз Отца в ее сторону метнулась молния. Молния пронзила Руку насквозь, словно гарпун громадную рыбину, и намертво пригвоздила к стене. Рука молча, дёргалась, трепыхалась, но никак не могла освободиться. Ее гигантские пальцы беспомощно извивались, словно щупальца осьминога.

– Не нужно торопить события, Рука! – раздался громоподобный голос Короля Страх. – Ты же сама говорила, что Крикуль лишь повторил то, что услышал от ребенка возле лавки. – Отец медленно поднялся и прошелся по кабинету, продолжая отчитывать Няньку: – Чему ж тут удивляться? У Крикуля началась основная работа, и ему предстоит узнать еще много нового. Крикуль достаточно умен, чтобы не надевать глупостей. Он не просто человек, он – Злой Волшебник, он – Главный Воспитанник Короля Страх. Не так ли, Главная Опекунша?!

Послышался резкий металлический скрежет, будто невидимый меч вынули из ножен. Это Отец одним взглядом освободил Руку. И молния-гарпун со звоном рухнула на пол, бесследно исчезнув.

Рука, как ни в чем не бывало, приняла устойчивое положение, распрямилась и извиняющимся, но достаточно уверенным тоном произнесла:

– Я все поняла, Ваше Величество. Разрешите мне вернуться обратно. Этого неслуха нельзя надолго оставлять одного.

– Кого это нельзя оставлять надолго одного? – Страх приблизился к Руке почти вплотную.

– Как кого? Я имею виду Крикуля-Музыкуля, конечно, – сказала нянька, сделав при этом ударение на последние «ля». В это мгновение горе-путешественнику захотелось стать еще более незаметным, от страха он тихонько съехал по стене вниз и сжался в комочек.

– Значит, ты уверена, что Крикуль сидит в лаборатории, один-одинешенек и в поте лица готовится к экзамену, как ему было наказано?! – Страх говорил на удивление спокойно.

Рука не замедлила с ответом:

– Ну, а где ж ему быть-то! Сидит как миленький. Но все равно за ним глаз да глаз... – Рука снова не успела договорить. Король Страх всем телом развернулся в сторону Крикуля.

– Сидит-то он, сидит, да только не там он сидит, где нужно... – Страх посмотрел на Собирателя слёз в упор, и все присутствующие ахнули. Невидимый до этой минуты, Крикуль потерял свою волшебную защиту.

Наступил час расплаты.

Крикуль-Музыкуль хотел было зажмуриться, да не успел. Неведомая сила подхватила его, и Крикуль завис посреди кабинета. Кто-то цепко держал его за шиворот, но это была не Рука, так как Крикуль видел Няньку, стоявшую рядом.

Страх вернулся на свое место за столом. Запрокинул голову и со свистом стал втягивать в себя воздух. Это продолжалось довольно долго. Все предметы в кабинете Отца задвигались, сорвались с мест и закружились в каком-то диком танце. Поднялась самая настоящая буря. Вместе с воздухом в воронку неимоверно раздувшихся ноздрей засасывало Страхи, одного за другим. Подхваченные вихрем, они вместе с мебелью исчезли в чреве Короля Страха. Он чернел и раздувался. Казалось, что вот-вот, ещё немного и его разорвет на части. Крикуль в ужасе увидел, как Рука, пытаясь избежать участи остальных, упирается всей пятерней в потолок и стены ниши. Но трюк ей не удался – обессилевшая Рука разделила участь остальных свидетелей королевского неистовства. Неумолимый вихрь швырял Крикуля из стороны в сторону. При этом он больно ударялся о каменное изваяние Химеры, которая не собиралась выпускать его из своих когтей. Страх заполнил собой почти весь кабинет. Лицо Отца стало напоминать дикую морду гигантского волка. Из пылающих, словно угли, глаз летели искры. Волк ощерился и брызнул огненной слюной прямо в лицо Крикулю.

– Кто? – вырвалось из пасти свирепого чудовища. – Кто

внушил тебе, щенок, что меня можно послушаться? Ответь! Кто?

В голове Крикуля пронеслась мысль, что, скорее всего, он навеки онемел и уже никогда не сможет выдать из себя ни единого слова. Крикуль молчал.

– Ты что язык проглотил?

Крикуль не проронил ни звука. Его остекленевшие от испуга глаза смотрели в одну точку.

– Отпусти его, – приказал Страх.

Химера разжала когти, и Крикуль с грохотом шлепнулся на пол. Через несколько минут он пришел в себя и оглянулся по сторонам.

Смерч стих так же внезапно, как и начался. Все предметы стояли на своих местах. Отец снова походил на самого себя и сидел во главе стола. Рука по-прежнему маячила за спиной Крикуля, а все остальные Страхи, казалось, никуда и не двигались.

– Хороший будет тебе урок, маленький мерзавец, – прохрипел Страх. – А если ты еще раз слушаешься меня, то это будет твой последний в жизни поступок. Понял? Это говорю тебе я, Страх Смерти!

Крикуль только низко склонил голову к груди и впервые тихо, беспомощно заплакал.

– Жидкий на расправу, – презрительно процедил Страх и отвернулся. – А ты, Рука, по всей вероятности, действительно права! За ним еще нужен глаз да глаз.

Иллюстрация художника Надежды Ильиной

Рука благоразумно промолчала, а Король Страх продолжал:

– Только для него-то двух глаз будет многовато. С него и одного хватит!

Нажав на кнопку селектора, стоявшего рядом, Король Страх выдал следующее распоряжение секретарю, который все еще трясся от страха из-за дикого грохота, доносившегося всего несколько мгновений назад из кабинета.

– Рот, ты меня слышишь?

– Я внимательно слушаю Ваш, Ваше Величество! – без-

зубо прошепелявил Рот, всего за секунду до этого вынувший вставную челюсть, дикую пляску которой он никак не мог унять.

– Пусть сюда немедленно явится Глаз. Я жду, – Король Страх испытующе посмотрел на Руку.

Крикуль перестал плакать и следил за стремительными действиями Страха.

– Рука! Ты славно потрудились и заслуживаешь награды. И отдыха. За твою беспечность, старая дура, тебя нужно было бы стереть в порошок. Но все знают мою снисходительность, мою любовь к справедливости и Я ПОВЕЛЕВАЮ... хотя, впрочем... – Король Страх решил повременить с окончательным вердиктом. Он впервые обратился к своим при тихшим двойникам: – Давайте решим этот вопрос коллегиально. Что же мы сделаем с ней, Страхи? Страх Темноты, какие у тебя есть предложения?

Только сейчас Крикуль заметил, что, несмотря на удивительное сходство с Королем Страхом, другие Страхи всё же имели свои отличительные черты.

Страх Темноты сидел рядом с Отцом и скользил глазами по потолку в поисках ответа. Он был одет во все черное. Даже платочек, который он достал из кармана своего черного сюртука, чтобы вытереть пот со лба, был иссиня-черным.

– Давайте, посадим ее в темный чулан на часок-другой, а там посмотрим.

Предложение Страха Темноты вызвало явное недоволь-

ство Страха Высоты, который, будто за компанию с Крикулем, сидел на полу. По всей видимости, сидеть на стуле для него было нелегким испытанием высотой. Из-под стола доносилось тихое завывание:

– Ну что это за наказание – темный чулан! Что в этом страшного? Я вас спрашиваю?! Там же никого, кроме нее, не будет. Посидит-посидит взаперти, да и заснет еще ненароком. Наказание называется! Ее нужно подвесить, на высоте ста метров. Над океаном. И оставить так висеть. Думаю, что через пять минут Страх Высоты превратит ее в жалкое ничтожество.

– А у меня другое предложение, господа. Надо заморить ее голодом. Это самый страшный страх на свете, – сказал Страх Голода и зашелестел фантиком, отправив в рот конфету. Его лицо показалось Крикулю немного более пухлым, чем все остальные. Да и костюм его не был таким мрачным, как у Страха Темноты. Поверх манишки Страх Голода носил салфетку-слюнявчик, которую обычно надевают маленьким детям перед едой.

– Не говори глупостей, Страх Голода, она же всего-навсего Рука, а не человек, она и так ничего не ест, – недовольно вспыхнул Король Страх. – И прекрати сейчас же жевать!

Но Страх Голода нисколько не испугался и спросил:

– Однако, скоро ли обед? Я, знаете ли, что-то изрядно проголодался, господа.

Король Страх сделал вывод:

– Полагаю, у каждого из вас будет свой вариант наказания, исходящий из личных, так сказать, пристрастий. Страх Боли предложит ее отшлепать.

После этих слов все посмотрели на Страх Боли, который не мог сдержать радости и тут же сделал небольшое дополнение:

– Не отшлепать, а избить до посинения!

– Угу, – продолжил Король Страх, – Страх Холода – заморозить, что, тоже до посинения?

– Нет, до смерти! – парировал Страх Холода, изо рта которого валил пар, будто он сидел на морозе.

– Чушь! – недовольно поморщился Король Страх. – Это же всего-навсего Рука. Так! Окончательное решение я оставляю за собой. Рука, мы осуждаем тебя на выполнение трудовой повинности. Работы в нашем замке хоть отбавляй. Так что иди и трудись!

Рука безропотно повиновалась. Выйдя из кабинета, она тихонько прикрыла за собой дверь.

* * *

Больше Крикулю не доводилось встречаться с Рукой. Ее место в лаборатории занял одноглазый исполин по имени Глаз. Волосатое чудовище походило на циклопа, которого когда-то так лихо перехитрил легендарный Одиссей. Глаз неусыпно следил за Крикулем. И хотя вид у Глаза

был мало приятный, Крикуль-Музыкуль находил его более симпатичным, чем Рука, которая всегда была груба и вечно находила повод, чтобы ударить. И хотя Глаз мог бы только одним своим прикосновением покалечить воспитанника, но он ни разу не тронул Крикуля даже пальцем, а Крикуль, в свою очередь, старался ничем не огорчать молчаливого охранника.

Глаз, хмуро потупившись, сиднем сидел рядом с холодильником и с какой-то безысходностью дни напролет тупо наблюдал, как Крикуль фильтрует и разливает в жестяные формы прозрачную, словно слеза, жидкость. Неуклюжему великану было запрещено прикасаться к оборудованию в лаборатории, чтобы что-нибудь ненароком не задеть своими гигантскими ручищами. Крикуль со временем почувствовал себя здесь полноправным хозяином.

Желание путешествовать по замку Короля Страха у него больше не возникало, Крикуль решил не испытывать судьбу, а заодно и терпение Отца, с внутренним содроганием вспоминая тот злополучный день, после которого он так долго не мог вымолвить ни слова. Крикуль даже стал подумывать, что совсем разучился говорить. Страх Наказания, один из двенадцати, почти постоянно преследовал его. Когда немота прошла, Крикуль набрался храбрости и попытался заговорить с Глазом, тем более что его давно мучил один вопрос.

– Глаз, можно тебя спросить? – Крикуль заговорил очень

тихо, но Глаз все равно почему-то вздрогнул. – Ты не знаешь, кто моя мама и где она?

Волосатый великан отвернулся.

– Мне почему-то кажется, что Отец тогда так рассердился, да и Рука переполошилась только из-за того, что я произнес это слово – «мама».

Циклоп резко склонился над Крикулем, замотал головой и, поднеся палец к губам, знаком показал, что об этом говорить нельзя. Крикуль впервые видел своего нового надзирателя так близко. Он не испугался, но только сейчас заметил, что его гигантскую пасть насквозь пронизывает металлическая скоба, посредине которой раскачивается небольшой проржавевший замочек.

«Так вот, почему Глаз такой молчун?!» – Крикуль понимающе закивал, и ему стало нестерпимо грустно. Однажды любопытство уже сыграло с ним недобрую шутку, но Крикуль ни о чем не жалел. Теперь он знал, что замок Короля Страха густо населен и за каждой дверью живут тайны, которые он однажды обязательно раскроет.

Прошел ровно год с того дня, когда Крикуль начал самостоятельно собирать детские слезы для Короля Страха. Никаких нареканий и недовольств со стороны Глаза не было. Да и мог ли он жаловаться? Со своей работой Крикуль справлялся безукоризненно.

Каждое утро, в одно и то же время Крикуль отправлялся за слезами. Не успевал он проснуться, как из разных концов планеты то там, то тут раздавались знакомые позывные. Без перерыва и выходных, в разных странах и на разных континентах плакали дети, кто-то от голода, кто-то от боли или обиды, а кто-то просто от неправильного воспитания. Кри-

куль привык к этому, и ему не приходилось сидеть без дела. Воспитанник Короля Страха добросовестно выполнял свою работу, но она никогда не доставляла ему радости. Крикуль даже и не предполагал, что работа может быть удовольствием. Иногда вместо того, чтобы порадоваться хорошему «улову», когда ревела какая-нибудь капризная малышка, он даже выражал свое негодование.

– Заинька, ну не плачь! Милая моя, хорошая! Мамина девочка! – уговаривала женщина дочку, которая наотрез отказывалась обедать. – Ну хорошо, не хочешь супчик, давай хоть ложечку каши или творожка?

– А-а-а-а!!! Не-е-е!!! У-у-у!!! И-и-и!!! – билась в истерике кудрявая маленькая толстушка, похожая на ангелочка. Она оттолкнула руками тарелку так, что всё содержимое пролилось на стол.

– Ну, как тебе не стыдно, – урезонивал ее Крикуль, аккуратно подставляя пробирочку, куда тонкими ручейками стекались девчонкины слезы. – Мама тебя уговаривает уже битый час. Как тебе не стыдно?! Вот меня бы, хоть кто-нибудь, хоть один бы разочек так ласково назвал: «Де-е-точка моя!» Как бы мне стало хорошо от этих слов!

– Деточка моя, – продолжила мама девчонки, будто услышав подсказку Крикуля. – Нужно съесть немножко чего-нибудь полезного, а потом я дам тебе много-много клубничного и шоколадного мороженого и конфет, сколько захочешь.

– Не-е-е-е!!! А-а-а!!! У-у-у... – не унималась маленькая

крикунья. Она упала на пол и продолжала истошно орать.

– Эй! Прекрати немедленно истерику! – не на шутку сердился невидимый Крикуль. – Мама предлагает тебе настоящее мороженое! Я вот никогда даже не пробовал такого чуда, а она голосит, бесстыдница!

Напрасно он старался – ни девочка, ни ее мама, казалось, не слышали его. Но самое главное, что Крикуля не слышал его Отец. Какие он тут притчи загибает! Ох, если бы услышал?! Не миновать тогда Крикулю наказания двенадцатью Страхами.

– Какая черная неблагодарность! – говорил Крикуль девочке в самое ухо, но та без умолку продолжала верещать.

Мама вышла из кухни, девочка осталась с Крикулем одна, и слезы моментально высохли.

«Ну и ладно, – подумал Крикуль, затыкая склянку пробкой. – Хватит на сегодня! У меня от тебя, крикунья, голова разболелась».

Девочка завороженно смотрела на стол. Как это? Там сами собой исчезали один за другим разноцветные шарики мороженого, которые мама только что достала для нее из холодильника.

Страшное задание

Глава, в которой Крикуль узнает о силах добра.

Работа по сбору и заморозке детских слез не прекращалась ни на минуту. Крикуль прерывался только на время короткого сна, когда, окончательно обессилив, падал на кушетку и мгновенно проваливался в глубокий сон.

Сны у Крикуля были всегда очень тревожные, беспокойные. Даже во сне он занимался привычным делом и слышал непрекращающиеся детские крики. Особенно страшно было тогда, когда он по неосторожности проливал все собранные за день слезы, и ему приходилось горько плакать самому, чтобы хоть частично восстановить потерю. Но иногда он видел во сне, как огромное горячее Яблоко-Солнце, плывущее по небу над Океаном, приближается к замку Короля Страха так близко, что от его раскаленного дыхания слезы-кирпичики начинают таять, а нерасплавленные руины замка погружаются в воду, бесследно исчезая навеки. А он, Крикуль, остается на Земле и невидимкой бродит по городам и селам, пока не находит... Наверное, маму. Во сне у него всегда возникало ощущение, что вот сейчас он найдет того, кого искал всю жизнь, кому он так необходим и кто так необходим ему самому, они узнают друг друга, и произойдет что-то очень важ-

ное... Но именно в этот момент он всегда просыпался. Этот сон повторялся с завидным постоянством. После пробуждения Крикуля охватывало горькое разочарование и ощущение невосполнимой потери.

Начинался новый день, но он был лишь продолжением старого. Крикуль-Музыкуль по-прежнему очень боялся отцовского гнева и старался, старался изо всех сил. Усилиями Крикуля-Музыкуля владения Короля достигли уже невиданных размеров, но Страх никак не мог умерить аппетит. Он был жаден, как все короли, и, как все короли, мечтал о безраздельном, всемирном господстве.

Наступил час, когда Страх потребовал от злого волшебника Крикуля-Музыкуля более решительных действий.

– Крикуль! Не трясись как осиновый лист и подойди ко мне ближе, – приказал Страх.

В огромной пустой зале, куда приказал явиться Крикулю его Отец, словно одинокая островерхая скала посреди океана, возвышался могучий трон. На этой отливающей серебром черной глыбе восседал властелин человеческих сердец. Голос Короля Страха тоекратно умножало подобострастное Эхо. Крикуль-Музыкуль опустил глаза и безропотно повиновался.

– Сынок, – приторно – ласково и непривычно тихо продолжал Страх. Он впервые назвал Крикуля «сынком» и при этом невероятно напугал его. Крикуль догадывался, что все это ни к чему хорошему не приведет.

Много раз Крикуль-Музыкуль оставался со Страхом наедине, но никак не мог привыкнуть к жуткому оцепенению, которое охватывало в такие минуты все его существо. Поразительно было и то, что с недавних пор во время разговора у Короля Страха стал меняться цвет лица. Сейчас оно, худое и изможденное, имело болезненно-землистый оттенок.

– Сынок, я так много сделал для тебя, – устало проговорил Страх. – Благодаря мне ты стал отличным магом и волшебником. Теперь тебе подвластны любые, самые чудовищные преступления. И совсем скоро тебе не нужно будет заниматься жалким ремеслом сборщика детских слез. Они потекут к нам сами, и такими бурными реками, что собирать их в пробирочки будет незачем. Скоро, очень скоро наступит время, когда мы одни станем управлять этим жестоким и бессмысленным миром.

Лицо Страха багровело. Черный свет, льющийся из глаз Страха, пронизывал Крикуля насквозь. Крикуль слушал Отца, стараясь не смотреть на его перекошенное гневной гримасой лицо. Только однажды он видел, как выглядит Страх в момент раздражения. Ему не хотелось пережить это еще раз.

– Ты должен помочь мне. Тебе уже двенадцать лет. Настала пора доказать, что ты благодарный мальчик и достойный Сын Короля Страха.

– Я согласен! – старательно выговорил Крикуль. Король Страх медленно поднялся и направился прямо к Крикулю.

– Ты говоришь неправильно! Не «я согласен», а «я счастлив»! «Я готов»! – голос Страха наливался свинцом, а лицо становилось мертвенно-бледным.

– Я готов! – постарался подхватить Крикуль, хотя его горло сдавило от страха.

– Ты слюняй, а не великий чародей. Ты не достоин моей похвалы. Ты всего-навсего маленькое ничтожество, – Страх запищал, кривляясь и передразнивая неуверенного в себе Крикуля: – Только и можешь, что ущипнуть безмозглого младенца, подставить подножку сопливой девчонке или отобрать игрушку у зазевавшегося карапуза.

Король Страх, очень гордившийся своим актерским талантом, разразился таким диким раскатистым хохотом, что Крикулю показалось: вот еще немного, и его тонкие перепонки разорвет в клочья. Резко, будто подавившись, Страх прекратил смеяться. Его пунцово-красное лицо начало бледнеть, и он по-змеиному зашипел:

– Каким жалким голосом ты разговариваешь со мной? Зло не может быть слабым, оно должно быть могущественным. Абсолютным. Никогда нельзя сомневаться! Нужно действовать!

– Я готов! – сказал Крикуль настолько твердо, насколько у него хватило сил.

– Ну вот, уже лучше. Хватит пустой болтовни! Давай приступим к делу! Ничто на Земле не делается само собой – нужно действовать. И ставить перед собой нужно только

большие, достойные властителей мира задачи! Ты, конечно же, знаешь, что у нас много врагов?!

Голова Крикуля склонилась в безмолвном поклоне.

– Нам часто приходится работать впустую, потому что у людей полно защитников. Всякие там ангелы-хранители, серафимы, херувимы, добрые феи и волшебники, все это – Силы Добра. Понимаешь, силы. А значит, все они наши заклятые... «друзья». Они тоже стремятся к абсолютной власти и не сидят сложа руки, вернее крылья, ведь это в основном крылатое войско. Сколько бы мы не старались сделать людей несчастнее и, естественно, извлечь из этого собственную пользу, людям на выручку приходят небесные посланники. Их целые легионы, тысячи тысяч, их тьма. И хоть сила двенадцати Страхов огромна, мы не справляемся одни. Небесных посланников мы с братьями берем на себя. А ты, Крикуль, подойди сюда и смотри внимательно...

Крикуль осторожно поднял голову и увидел, что посреди зала, где они беседовали с Отцом, возник стол. С виду стол был похож на бильярдный, с такими же высокими бортиками. На его поверхности виднелся маленький сказочной красоты островок. Вокруг него плескалась изумрудно-лазорева, голубоватая, а местами темно-синяя вода. Когда Крикуль подошел поближе, он смог отчетливо увидеть крошечные замки, расположенные в разных концах острова. Он стал всматриваться внимательнее и заметил, что игрушечных размеров макет населен какими-то еле заметными глазу

существами.

Как только Страх, лицо которого теперь посинело, как у утопленника, сделал попытку наклониться над столом, остров, словно колпаком, закрылся прозрачной, слегка сияющей полусферой. Страх почему-то уже не мог преодолеть эту преграду. Сцена напоминала рассматривание музейной ценности, которую тщательно охраняют.

Страх зловещим шепотом, будто под прозрачной покатою крышкой его могли услышать, продолжал:

– Видишь, что делается! Помни, они очень бдительны!

– Кто? – не удержался от вопроса пораженный Крикуль.

– Они. Наши враги, – Страх на мгновение вышел из своей роли вечно пугающего существа и с каким-то потайным страхом в голосе произнес еще тише: – Это – Остров Детства. Он находится на противоположном конце Океана. Здесь живут, бр-р-р, добрые феи двенадцати месяцев, – когда Страх произнес слова «добрые феи», его передернуло от брезгливости. – Вот ими-то тебе и придется заняться, – позеленевший от злости Страх выпрямился и уже привычно прогрохотал: – Сотрешь их в порошок! Испепелишь! А еще лучше, если организуешь землетрясение, Остров уйдет под воду, и дело с концом! – и Страх дважды стряхнул с ладоней невидимую пыль.

– Феи двенадцати месяцев? – задумчиво произнес Крикуль. – Я никогда не слышал о них, и об Острове Детства тоже.

– Это не страшно, что не слышал. Страшно будет, если не справишься с заданием. Ты меня понял, лоботряс! – прогремел Страх.

– Понял! – по-военному отчеканил Крикуль.

– Тогда к делу! – Страх одним движением руки «стер» изображение стола вместе с Островом и нервно заходил по залу. – Знай, Крикуль, эти феи очень опасны! Они постараются околдовать тебя своей добротой. Не верь им. Помни, феи берегут как зеницу ока двойников всех малышей мира. И если мы сможем погубить Остров Детства, то никогда больше эти мерзкие детишки не смогут радоваться праздникам, подаркам, а главное – заботе и ласке. Они сразу же превратятся в злых и жадных, вечно всем недовольных, постоянно плачущих стариков. О, я вижу, будут литься реки слез! Ах, какие это будут полноводные реки! Ты, Крикуль, сможешь наслаждаться легкой добычей. Мы построим небывалых размеров замок. А Страх, Страх завладеет сердцами всего человечества. Я буду управлять людишками как безмозглыми, бездушными игрушками. Им уже не нужны будут духовные наставники и защитники. Некого и нечего будет защищать, – Король Страх разразился леденящим хохотом.

Остров детства

Глава, в которой Крикуль обретает крылья и новое лицо.

Получив от Короля Страха подробные инструкции по уничтожению Острова Детства, Крикуль сидел в своей лаборатории и размышлял: «Идея, конечно, гениальная. Отец как всегда прав. Если можно так просто избавиться от лишних покровителей этих маленьких капризных ребятишек, то нужно сделать это немедленно. Сколько мне приходится попотеть, пока наберется хотя бы небольшая бутылочка детских слезок, этой соленой, бесцветной водицы!» Крикуль тяжело вздохнул и занялся сборами. Великан Глаз исчез без объяснений накануне последнего разговора Крикуля с Отцом, и Крикуль, оставшись в одиночестве, мог полностью сосредоточиться на подготовке к предстоящей операции. Нужно было все хорошенько обдумать, а главное – подойти к делу творчески.

Во-первых, усыпить бдительность волшебниц, которые, скорее всего, знают толк в притворстве. Во-вторых, вызвать жалость и сочувствие. Раз они добрые феи, то в этом и заключается их работа. И в-третьих... – подумал Крикуль

и вдруг вспомнил очертания этого крохотного острова, который Отец показал час тому назад, – но почему я раньше ничего не слышал об Острове Детства?!» Надо сказать, что Крикуль получил очень хорошее образование и был усердным учеником. У такого папаши, как Король Страх, не забалуешь. Разговор будет коротким: «Карцер!» А то и того хуже – мокрое место.

Но словосочетание «фея двенадцати месяцев» показалось Крикулю совершенно незнакомым. Что это? Такое сложное имя или понятие? Он ничего не знал ни о каких месяцах... Вообще, тема «Время и летоисчисление» была им пропущена из-за болезни. У него даже справка имелась с подписью доктора и печатью: «Уроки пропущены по причине недомогания. Диагноз: инфлюэнция на почве ипохондрии». «Теперь, видимо, придется брать дополнительные уроки, но не сейчас. Сейчас нужно было торопиться».

Крикуль подошел к полке с магическими книгами, взял изрядно потрепанный том с надписью «Заклинания». Усевшись поудобнее на жесткую кушетку, которая служила ему кроватью, он начал листать страницы с зашифрованными текстами.

В кого бы превратиться? На Остров Детства он должен прилететь. Следовательно, превращаться нужно в птицу. Но в какую? В щегла? В зимородка? В сову? А может быть, в чайку? Нет! – чутье ему подсказывало, что это все не то. Его взгляд остановился на картинке с белоснежным

аистом. – Вот! Нашел! Как раз то, что нужно. Аист ведь не просто птица. Аист – птица символическая.

Он читал, как романтическим натурам внушают, что именно аист приносит будущим мамам их младенцев. И для Острова Детства, скорее всего, именно Аист станет желанным гостем.

Через мгновение в лаборатории по заморозке детских слез, переминаясь с ноги на ногу, стоял Аист с подбитым крылом. Крикуль-Музыкуль решил окончательно разжалобить добрых хозяек Острова Детства своим несчастным видом. Осталось только хорошенько замаскировать волшебный взрывной порошок, от которого на Острове гроыхнет так, что Океан поднимется на дыбы до самого неба.

Ах, да! Он забыл надеть очки Короля Страха, которые Отец вручил ему для надежности и контроля перед расставанием. Это были скромненькие кругленькие очечки с маленькими черными стекляшками, какие обычно надевают слепцы. Они лежали на столе, и мерцающий свет ночника отражался в стеклышках.

Иллюстрация художника Надежды Ильиной

«Благодаря этим очкам Король Страх сможет наблюдать за происходящим на Острове, а Крикуль-Музыкуль будет видеть все вокруг глазами своего Отца».

Волшебные Очки заворочались и заговорили немного приглушенным голосом Страха: «Про меня не забудь, Крикуль!»

Лист нацепил очки себе на нос. Теперь он не имел права

снимать их до окончания операции. Спустя мгновение очки зашипели, будто смола на огне, и расплавились, намертво прилипнув к его глазам.

– Для верности, – зловеще пригрозил Страх. От внезапной нестерпимой боли Крикуль дико закричал и хотел было сдернуть очки, но не смог этого сделать. Глаза Крикуля-Аиста будто затянуло черной пленкой. Резкая боль постепенно утихла, оставив лишь неприятное, постоянно напоминающее о себе жжение.

* * *

Крикуль еще дома, в лаборатории, несколько раз мысленно представлял себе картину приземления на Острове Детства:

«Жители Острова замечают, как он летит с подбитым крылом. Здоровым крылом Аист заслоняет Солнце. Притворившись раненым и обессилевшим, он совершает вынужденную посадку. Жалостливые феи налетают на птицу с охами-вздохами и окружают его заботой и вниманием».

В действительности все произошло совершенно иначе. В момент, когда Крикуль подлетал к Острову, здесь, судя по всему, хозяйничала Ночь. Непроглядный мрак окутал Остров, и, если бы не тусклый свет, Остров бы затерялся в черных водах моря. Таким увидел его Крикуль сквозь Очки Короля Страха. Он дал им название покороче – путем

сложения первых букв – Оксы. Коротко и понятно, и очень похоже на надоедливых ос, которых Оксы напоминали своим постоянным, назойливым жужжанием. Так вот, если бы не Оксы, то Крикуль несомненно изумился бы красоте дивного места, которое открылось его взору с высоты птичьего полета.

Тусклое свечение было на самом деле зеленовато-фосфорическим сиянием. Это плотным многометровым кольцом Остров окружили ночесветки. И Ночь не была такой уж кромешно черной, как показалось Крикулю-Аисту, она была одета в бархатную фиолетовую тунику с длинным ажурным шлейфом, украшенным блестками звезд.

Приземлившись вслепую, Крикуль решил дожидаться утра. Он прислонился к какому-то теплому шершавому камню и уснул.

Ему снился сон, в котором пышущее жаром Огненное Яблоко приближается к замку Короля Страха. Замок начинает таять. А потерявшийся Крикуль бродит по земле в поисках кого-то очень ему дорогого.

Крикуль как всегда проснулся с чувством обманутой надежды. Пробуждение его было достаточно резким, потому что камень, к которому он привалился, устраиваясь на ночлег, откатился в сторону, и Крикуль-Аист, потеряв опору, упал.

Камень закопошился, резко развернулся и превратился в загадочное существо с узкой мордой, длинным хвостом

и чешуйчатым тельцем, отдаленно напоминавшим гигантскую еловую шишку. Шишка начала принюхиваться, оглядываться по сторонам и, заметив Крикуля, миролюбиво кивнула ему своей ушастой головкой.

Не успел Крикуль встать на свои аистинные ножки, как с ветки прямо перед ним опустилось волосатое чудовище, похожее на птицу. Птица щелкнула длинным клювом, и Крикуль отчетливо услышал:

– Привет, Авиатор! Добро пожаловать на Остров Детства!

Если бы не Оксы, то чудовище увидело бы, как заморгал от удивления Крикуль-Аист.

– Это меня ты назвал Авиатором? – спросил Крикуль.

– Ну а кого же еще? Здесь пока больше никого нет.

– А этот? – кивнул Крикуль в сторону ползающей неподалеку шишки.

– Это – Панголин, он здесь живет. А ты, я вижу, новенький. Давай знакомиться. Я – Птеранодон. Хотел, было, полететь подкрепиться, смотрю, а тут ты. Как тебя зовут?

– Крикуль-Музыкуль, – опасливо озираясь, ответил Крикуль. – Странное для Аиста имя! – присвистнул Птеранодон. – А я назвал тебя Авиатором. Ну, ты не обижайся, раз ты птица, то тебя можно так называть?!

Крикуль не успел возразить, как к ним слетелись, сбежались, лениво подошли, подползли, прискакали... сотни живых существ диковинного вида. Они шипели, трубили, пищали, голосили, повторяя друг за другом: «Новенький! Но-

венький! Новенький!»

Новость мигом облетела Остров: на территории питомника Мартины появился Аист со сломанным крылом.

Прошло совсем немного времени, и окружавшая Крикуля толпа любопытствующих зверей вдруг расступилась, пропуская молодую женщину спортивного телосложения. На ней были высокие сапоги, и, вообще, всей своей экипировкой она напоминала наездницу, которая только что спешила. Из-за Оксов ее лицо показалось Крикулю весьма строгим, а взгляд неприветливым и колючим.

Фея Мартина, а это была именно она, присела перед Аистом на корточки и приветливо произнесла:

– Ах ты мой бедняжка, кто это тебя так?! Не бойся, тебя здесь никто не обидит. Потерпи, сейчас придет Сентябрина, она мигом тебя вылечит.

Мартина подняла правую руку, и на ее ладонь тут же спустилась маленькая пестрая птаха.

– Спасибо, Лори, ты как всегда вовремя, – поблагодарила Мартина. На глазах у всех красногрудый серо-зелено-бирюзовый попугай Лори превратился в сотовый телефон. Мартина заговорила с кем-то на птичьем языке, да так быстро, что Крикуль не разобрал ни слова. Через мгновение Мартина договорилась, и чудо-телефон, встрепенувшись, снова взлетел к своему гнезду. Гнездо висело на ветке, как нагруженная наполовину авоська. Только сейчас Крикуль заметил, что Лори повис вниз головой, зацепившись лапкой за ветку, и внима-

тельно наблюдает за происходящим.

Крикуль никак не ожидал увидеть на Острове такой густонаселенный оазис. Он, конечно, по долгу службы бывал в зоопарке. Например, когда однажды собирал слезы у мальчишки, которого родители обидели до глубины души отказом купить сладкую вату, тогда как другие дети, пришедшие в зоопарк, уплетали ее за милую душу. Но там тигры, львы и носороги сидели в клетках и облизывались, заведя то ли аппетитно пахнущую сладкую вату, то ли аппетитно выглядевших ребятишек. У Мартини никаких клеток не было и в помине. Крикуль обратил внимание на то, как мирно и дружелюбно вели себя непримиримые в природе враги: уссурийский тигр играл в кошки-мышки с маленьким пятнистым олененком, лирохвост разгуливал рядом с драконом Комодо, гигантской хищной ящерицей, похожей на большой кожаный чемодан. Прилежный, эрудированный ученик – а Крикуль был именно таким – вскоре обнаружил мирно гуляющих зверей, давно вымерших на Земле: жирафоподобного верблюда Альтикамелюса и устрашающего вида Стегозавра, да и Птеранодон, который назвал Крикуля Авиатором, признаться, был из той же компании.

Мартина погладила Аиста по голове. Прикосновение было таким нежным и участливым, что Крикуль забыл про жжение в глазах, а его сердце, казалось, превратилось в миллиарды невесомых пушинок, подхваченных ветром, как зонтики одуванчика.

– Началось! – зажужжали Оксы. – Король Страх с тобой, Крикуль, не расслабляйся! Берегись! Феи очень опасны, своей нежностью они хотят усыпить твою бдительность.

Крикуль прислушался к предостережениям и отшатнулся от руки Мартины.

– Ой, тебе неприятно! Извини, милый, я больше не буду, – виновато произнесла Мартина и тут же радостно воскликнула: – А вот и Сентябрина! Как кстати! Здравствуй, сестричка! Посмотри на этого красавчика!

Крикуль увидел приближающуюся докторшу. К ним стремительно неслась свирепого вида демоница в сером балахоне. Глаза ее излучали садистскую радость изувера, добыча которого была так близка.

«Сейчас станет делать уколы», – подумал Крикуль и вспомнил, как собирал слезы у безумно напуганных, оравших во все горло маленьких пациентов одной больницы. Но Сентябрина сделала вид, что Крикуль-Аист ее вообще не интересуется. Поздоровавшись с Мартиной, она неожиданно спросила:

– Дорогая, ты зарядку сегодня делала? Прямой вопрос требовал такого же прямого ответа, но Мартина начала уклончиво говорить о том, что со зверушками столько забот, что за день она наматывает такое количество километров, что про зарядку некогда и подумать. – Зря, дорогая! – весело, но напористо продолжала докторша.

– Зарядка еще никому не повредила! Повторяйте за мной:

«В здоровом теле – здоровый дух!»

Но, кроме Крикуля, повторять было некому. Они с Сентябриной остались в гордом одиночестве. Даже гостеприимная Мартина почему-то незаметно испарилась.

Крикулю показалось, что докторша понимающе улыбнулась.

– Никто не любит наставлений! Привет, Крикуль! Что случилось с нашим крылышком? – легко и беззаботно произнесла Сентябрина и так же, как Мартина, присела перед ним на корточки.

– А откуда ты знаешь, как меня зовут? – удивился Крикуль.

– Во-первых, не «ты», а «вы», я все-таки старше тебя, дорогуша, лет на четыреста, как минимум, – напористо произнесла Сентябрина, внимательно рассматривая Аиста.

– А во-вторых, – продолжала Сентябрина, – разве ты не называл своего имени Птеранодону?

– Называл, но... – Крикуль не успел ничего сообразить, как Сентябрина со словами: «А это что у тебя за гадость?» – легко и абсолютно безболезненно сорвала с него Оксы, словно грязную повязку.

– Какие у нас чудные голубые глазки, никогда больше не надевай эту мерзость!

Оксы зашипели и стали по-змеиному извиваться в руках Сентябрины. Она отбросила их прочь и продолжила осмотр.

Горячий яркий свет на мгновение ослепил Крикуля. Все,

что его окружало, сказочно преобразилось. Тропический лес потряс злого волшебника своей необыкновенной, невиданной пышностью красок. Такого количества оттенков зеленого он не мог себе представить, даже если бы захотел. Перед ним сидело милейшее создание в кипенно-белом халатике. Волосы Сентябрины, которые показались Крикулю грязно-пепельными, оказались золотисто-медовыми, уложенными в аккуратную прическу. Украшавшая их заколка очень напоминала обыкновенный термометр. Ослепительно-яркий мир поразил Крикуля настолько, что он забыл проследить за Оксами, которые благоразумно уползли в кусты, пока их не раздавил какой-нибудь мамонт. Ведь для Мартины мамонты были не музейными экспонатами, а любимыми беззащитными питомцами. И Оксы уже успели это понять.

– Знаешь, Крикуль, я думаю, что тебе придется перебраться ко мне в замок, там и продолжим наше лечение, – прервала внутренний восторг Крикуля Сентябина. – Это совсем недалеко, но все же лучше побережь поврежденное крыло. Давай попросим твоего знакомого Птеранодона немного поработать извозчиком не в службу, а в дружбу.

– Какой разговор? Авиатор Авиатору разве может отказать в услуге?! – заявил неуклюжий Птеранодон. Тяжело передвигаясь на коротеньких ножках, он вразвалочку подошел к новенькому и подставил Аисту спину. Крикуль хотел было отказать, но Сентябина настаивала, и ему поневоле пришлось повиноваться.

Спина Птеранодона оказалась достаточно узкой. Тело этого доисторического летающего ящера было удивительно маленьким, а мощные и длинные крылья были вчетверо длиннее крыльев Аиста. Костяной гребень на затылке напоминал рыбий плавник, именно он оказался своеобразным штурвалом. Поворачивая голову, Птеранодон менял траекторию своего медленного полета. Крикуль удивился и тому, что ящер совсем не размахивал крыльями. Они будто зависли в воздухе и плавно парили над Островом, который Крикуль впервые смог рассмотреть с высоты птичьего полета.

Крикуль вспомнил макет Острова Детства, который показывал ему Отец, и поразился их сходству и различию одновременно. Кругом было столько света: жемчужно-голубое небо без единого облачка, море цвета лазури, да и сам Остров с двенадцатью замками, остроконечные башенки которых были сделаны будто бы из мокрого песка, инкрустированного разноцветным бисером, сверху смотрелся просто сказочно. Вокруг Острова вилась широкая бурая лента. Ночью она почему-то светилась.

– Что это? – спросил Крикуль.

– Это ночесветки. Здесь их тьма тьмушая. Днём они бу-ро-красные, а ночью горят огоньками. С виду напоминают крошечные солнца. Каждая ночесветка размером с миллиметр не больше, представляешь?! Такие малюсенькие, а уже хищники! – ответил Птеранодон, не поворачивая головы.

Кстати, о хищниках! Спohватившись, Крикуль мгновенно

вспомнил о своем задании: «Как это я, действительно, расслабился?!» Крикуль нашупал спрятанный под «искалеченным» крылом мешочек с порошком-взрывчаткой и подумал, что Сентябрина, которая примется сейчас за лечение, скорее всего, не сможет не заметить его: «А Оксы? Ах, про них я тоже совсем забыл. Остались лежать в заповеднике Мартины». Голова шла кругом. Проблемы требовали незамедлительного решения!

Сентябрина

Глава, в которой Крикуль получает официальное приглашение в гости.

Рисунок Ирины Могутовой

Когда Птеранодон с Крикулем благополучно приземлились возле замка Сентябрины, хозяйка была уже на месте.

Она махнула им с крыльца, чтобы заходили, и скрылась в доме.

– Знаешь, друг, я, пожалуй, полечу обратно, – опустив глаза к земле, стеснительно проямлил Птеранодон. – Давай выздоравливай и навести нас, когда поправишься. Обещаешь?

Крикуля никто никогда не называл «другом», и он просто не знал значения этого слова. Но выяснять почему-то побоялся. Он понимал, что здесь нужно следить за каждым словом и хорошенько взвешивать каждый поступок. Поэтому тихое «Ладно!» – это было все, что он смог из себя выдавить.

Грузный Птеранодон тяжело разбежался и через минуту уже парил в небе.

Крикуль перепрятал пакетик со взрывчаткой. Самым надежным местом хранения ему показался собственный клюв. Конечно, Сентябрина могла попросить его открыть рот, но Крикуль собирался разыграть из себя упрямца, да и другого выбора у него пока не было.

«Буду ориентироваться на месте», – Крикуль пытался приободриться, но волнение завладело его сердцем и заглодело изнутри. По аккуратной дорожке, заботливо посыпанной желтым песочком, Крикуль направился к замку Сентябрины. За ним осторожно извивалась черная полоска, похожая на змею.

Замок, куда вошел Крикуль, сиял чистотой и свежестью. Пахло какими-то сладкими пилюлями, душистыми травами,

ароматными благовониями. В стеклянных витринах красовались многочисленные скляночки, красочно оформленные бутылочки с микстурами, коробочки с витаминами. Все это напомнило Крикулю его лабораторию по обработке собранных детских слез. Только его лаборатория была местом достаточно мрачным. Сейчас Крикуль поймал себя на мысли, что с той самой минуты, как он попал на Остров Детства, он перестал слышать детский плач. Раньше это было его естественным состоянием, а тут...

– А вот и я, – Сентябрина несла перед собой миниатюрный подносик, на котором лежали какие-то медикаменты, как показалось Крикулю. Но когда Сентябрина подошла ближе, он увидел три вазочки с разноцветными шариками мороженого разных сортов.

– А где же наш застенчивый друг? Ох, Птеранодон, как это на него похоже. Улетел по-английски, даже не попрощавшись. Ну ладно. Сейчас начнем лечиться. Мое любимое фиштакшковое, а ты какое любишь? Выбирай! Есть клубничное с киви, банановое с шоколадным.

Крикуль молчал. Он не мог говорить, ведь в его клюве лежал пакет со взрывчаткой. Положение становилось безвыходным.

Сентябрина внимательно посмотрела на Крикуля.

– Что, очень болит крылышко, не до мороженого, да?! Она вынула из прически заколку в виде термометра и взмахнула ею прямо перед носом притворщика. Крикуль

почувствовал себя абсолютно здоровым. Сентябрина буквально на секундочку отвернулась к зеркалу, чтобы поправить прическу. Но этого было достаточно, чтобы Крикуль перепрятал пакетик на прежнее место, под крыло, и принялся уплетать один за другим замороженные шарики, которые буквально таяли во рту.

– Крикуль, – укоризненно произнесла Сентябрина, – твои родители что, абсолютно не занимались твоим воспитанием?

– Родители? Нет! – особо не вдаваясь в детали, поспешно ответил Крикуль. От его намерения держать ухо востро не осталось и следа.

Сентябрина присела рядом с яростным пожирателем мороженого и тихо попросила:

– Ты не мог бы рассказать мне свою историю?

– Какую историю? – немного помедлив, насторожился Крикуль. От россыпи лакомых шариков остался только один, и тот уже слегка растаял, так что клювом его есть было невозможно.

– Историю о том, как ты попал на Остров Детства. Кто и почему сломал тебе крыло?

У Крикуля была заготовлена версия его появления на Острове. Он без запинки, горестно вздыхая и даже выдавив из себя слезу, начал рассказывать, как белые аисты чуть было не заклевали его до смерти только лишь из-за того, что он во время драки с соседским мальчишкой сломал себе крыло и не мог бы перенести длительного перелета в теплые края,

куда стая отправлялась на зимовку.

Сентябрина сочувственно вздохнула и тут же любезно предложила Крикулю остаться на Острове, тем более что у него здесь уже появился друг Птеранодон, да и все феи Острова будут очень рады ему. И еще потому, что скоро, совсем скоро, буквально через неделю, состоится знаменитый новогодний бал, в котором Аист сможет принять самое активное участие.

– А кем я буду на этом балу? – поинтересовался Крикуль, который имел очень туманное представление о балах.

– Как кем? Аистом! Весь Остров готовится к балу, – Сентябрьрина подскочила и закружилась по холлу. В такт музыке, зазвучавшей откуда-то сверху, она выделявала такие сложные танцевальные движения, что у Крикуля, пристально наблюдавшего за ней, закружилась голова.

– Пам, па-па-па, па-па-пам, па-па! Пам, па-па-па, па-па-пам, па-па... – нежным голосом весело подпевала Сентябрьрина, порхая, словно прекрасная бабочка. Ее белоснежный халатик теперь больше походил на прозрачную тунику с нежно-голубыми крылышками.

Внезапно в ушах у Крикуля засвистело, и черная лента, взметнувшись к лицу, обвилась вокруг глаз. «Оксы!» только и успел подумать Крикуль, падая на пол.

– Предатель! – Оксы душили его.

Король Страх содрогался в конвульсиях гнева, изрыгая пламя прямо в лицо Крикулю. Рука больно хлестала по щекам. Глаз с ненавистью и презрением смотрел на него. Крикуль, невероятно быстро снова очутившийся в своей лаборатории, понял, что это конец. Он не справился с заданием и понесет заслуженное наказание.

– Предатель! – грохотал Король Страх. – Ты не достоин снисхождения.

– Предатель! – Рука, красная от негодования, зависла над ним, готовясь нанести сокрушительный удар.

– Предатель! – безмолвно испепелял его чудовищный Глаз.

– Предатель! – шипели Оксы, неумолимо сжимая горло.

– Крикуль-Музыкуль, рожденный обычной женщиной, воспитанный Королем Страхом, жалкий собиратель детских слез, волшебник-недоучка, не совершивший в своей жизни ни одного стоящего поступка, ты больше никогда, никогда не увидишь Огненного Яблока и никогда не съешь ни одной порции мороженого!

– Умри, предатель! – свистнули на прощанье Оксы.

* * *

Крикуль открыл глаза и понял, что это был всего-навсего кошмарный сон. Весь в холодном поту, он лежал на мяг-

ком пушистом ковре в одной из уютных комнат замка феи Сентябрины. Крикуль попытался отыскать у себя под крылом смертоносный мешочек, но тот исчез. Крикуль мгновенно подскочил. Его тонкие, слабые ножки готовы были подкоситься снова, и даже не столько от физического недомогания, сколько от осознания безысходности положения.

«Ужас! Ужас! Что же делать? Предатель! Растяпа! Нет мне пощады! Разнежился, мороженого никогда не ел, безмозглый кретин, паразит!» – начал мысленно казнить себя Крикуль. Крикуль вспоминал бранные слова, которыми его когда-то «потчевала» нянька.

– Ты уже очнулся, бедняжка?! – Сентябрина вошла в комнату. – Я разожгу камин. Ты очень впечатлительный ребенок, Крикуль. Разве можно так волноваться?!

Крикуль испугался, что он, возможно, потерял свой птичий облик. И вскинул перед собой крыло. Нет, все тот же маскарад, он по-прежнему Аист.

Сентябрина хлопотала возле камина, и тут Крикуль увидел, как из противоположного угла на него в упор глядят два мерцающих уголька. Присмотревшись, он перестал сомневаться. Это были Оксы. Очки Короля Страха теперь больше походили на очковую кобру. На ее капюшоне незамысловатым иероглифом выделялся хорошо узнаваемый символ. Вполне возможно, что все происшедшее с ним мгновение назад не было сном.

– Чувствуй себя как дома! – нежно произнесла Сентябри-

на, не ведая, что в этих ее словах для Крикуля не было ни капли радости.

– Иди сюда, Крикуль, я покажу тебе, как разжечь камин.

Крикуль подошел с твердым намерением спросить фею, не видела ли она его пакетик. Но ему не пришлось этого делать – Крикуль неожиданно обнаружил пропажу. Крошечный сверточек с порошком, несущим грохочущую смерть, лежал прямо перед его носом, на каминной полке.

«Сейчас Сентябрина зажжет камин. И Крикуль вместе с ней, вместе со всеми остальными феями, вместе с Птера-нодомом, который почему-то называл его другом, вместе с попугаем Лори, который умеет превращаться в телефон, вместе с маленькими солнышками – ночесветками, которые хоть и хищники, но ничего не знают о своей скорой, неминуемой гибели, вместе с Оксами, которые сейчас притаились за шкафом...» – Крикуль взглянул туда, где только что горели злющие змеиные глазищи. Они исчезли. – Может быть, спасаются бегством, предвидя дальнейший поворот событий?!»

«Крикуль! – закричал внутренний голос. – Сейчас только от тебя зависит судьба Острова Детства и твоя собственная. Останови фею!»

«Но тогда я предам Отца, – мысленно ответил Крикуль своему внутреннему голосу. – Ведь Отец именно за этим посылал меня на Остров Детства. Отец лучше знает, кому нужно исчезнуть с лица земли, а кому остаться». «Ну, конечно,

как я забыл? Ведь твой Отец – Страх Смерти», – не унимался внутренний голос.

«Почему Страх Смерти?» – продолжал Крикуль. «Ну ты все-таки непроходимый тупица! – заключил внутренний голос. – Черт с тобой, недоучка, прощай!»

Внезапная догадка, что и сам он послан Отцом на смерть, отрезвила Крикуля, и ему расхотелось умирать. Он должен подумать над этим неожиданным открытием. Но есть ли у него для этого время? Сентябрина почему-то не спешила зажигать камин. Они замерли, и казалось, что время на секунду замедлило свой ход.

Крикуль неожиданно для самого себя с вызовом выпалил:
– Чего же мы ждем?

– Сейчас-сейчас, – откликнулась загадочно улыбающаяся Сентябрина. – У меня для тебя сюрприз!

– А, у тебя тоже? – обреченно буркнул себе под нос Крикуль.

Вдруг где-то в глубине камина послышался странный звук. Даже Крикуль, с его необыкновенным слухом, не мог сразу распознать, что это может быть: то ли шум приближающегося поезда, то ли ледяная глыба с грохотом скатывается вниз по водосточной трубе.

Хорошо, что Крикуль с Сентябриной стояли довольно далеко от камина, а не то их запросто сбил бы с ног вырвавшийся наружу смерч. Широкая серебристая лента с громким шелестом заметалась по комнате, пока не рассыпалась

блестящими искрами. Крикуль растерянно заморгал, и ему наконец-то удалось рассмотреть чудо, сверкавшее полупрозрачными перламутровыми крылышками. Это были довольно крупные стрекозы. Они приземлились в разных местах комнаты и, казалось, переводили дыхание после стремительно-головокружительного полета.

– А вот и визитки моих сестер, – засмеялась Сентябрина. – Они все приглашают тебя в гости.

Одна из стрекоз-визиток уселась прямо на каминную полку, и Крикуль прочитал на ее изумрудной спинке каллиграфически выведенное слово «Январина».

«Крикуль впервые в жизни пойдет в гости! В гости! Всюду, где раньше бывал Крикуль, его специально никто не ждал. Он просто делал свою работу, появляясь то там, то тут. Сейчас он впервые в жизни пойдет в гости по приглашению».

* * *

Сентябрина решила вкратце рассказать Крикулю об Острове Детства:

– Во всем, Крикуль, должен быть порядок, так решили когда-то древние мудрецы. День сменяет ночь, дни складываются в недели, недели в месяцы, месяцы в годы. Красиво! Сентябрина теперь была очень похожа на настоящую учительницу. Она отодвинула портьеру от окна, и Крикуль уви-

дел необычный предмет.

– Это календарь, – сказала Сентябрина.

Окно оказалось школьной доской, на которой расположились 12 экранов. За каждым из них происходила своя история. Где-то шел дождь, а где-то ярко светило солнце. За одним из экранов, по виду напоминавшим иллюминатор корабля, – плескалось море, а за соседним, – с каким-то тоскливым завыванием хозяйничала метель.

Сентябрина увлеченно рассказывала:

– Здесь отображены четыре времени года – зима, весна, лето и осень. В году двенадцать месяцев, и у каждого месяца свое имя. На Острове Детства живут феи каждого месяца, а значит, их имена очень похожи на названия этих месяцев. Фея старшего зимнего месяца Января – Январина.

Сентябрина подняла с пола оброненное Крикулем пёрышко и указала на заснеженный экран. Виртуозно исполненный на стекле узор был таким плотным, что Крикуль не успел хорошенько рассмотреть, что же скрывалось за ажурным рисунком.

Сентябрина продолжала, не останавливаясь:

– Февралина – тезка Февраля, – показала она на следующий экран. Чудесная картинка заснеженного леса сменилась на живописное изображение залитого сверху шоколадом мармеладно-зефирного или вафельно-леденцового сооружения.

По долгу службы Крикуль бывал в кондитерских, где де-

ти, порой просто захлебываясь от слез, клянчили у родителей всякие лакомства, самого фантастического вида и умопомрачительной стоимости. Ему показалось, что замок Февралины похож скорее на произведение кулинарного искусства.

Сентябрина тем временем продолжала свой комментарий:
– Март – побратим Мартины.

Крикуль увидел как на экране, куда указала перышком Сентябрина, картинка с изображением природы сменилась на уже виденный им на Острове Детства пейзаж и саму Мартину, которая приветливо помахала ему рукой. Крикуль не успел отреагировать.

Сентябрина, словно горный ручей, журчала без остановки:

– Апрель – близкий родственник Апрелины. Майя – веселая сестрица весеннего Мая.

Перо стремительно перелетало от одного экрана к другому.

– Июнь по завещанию передал свое имя Июнине. Июлина – близкая подруга знойного Июля. Августина с гордостью носит имя царственного Августа.

Сентябрина вдруг сделала небольшую паузу, грациозно присела в книксене и произнесла:

– Сентябрина – ваша покорная слуга, покровительница всех детей, родившихся в сентябре.

«Может быть, я тоже родился в сентябре?» – задрожало

от волнения сердце Крикуля. Но Сентябрина увлеченно продолжала свой урок.

– Моя сестра Октябрина была названа в честь октября. Ноябрь любезно поделился своим именем с Ноябрьриной. А Декабрина – наша старшая и самая великая из сестер, – Сентябрина горделиво вскинула голову и с почтением в голосе произнесла: – Фея самого щедрого на праздники месяца – Декабря. Когда ты познакомишься с ней, то сам поймешь, почему на Острове Детства именно Декабрину почитают самой великой!

Экран закрылся, урок закончился, и Крикулю предстояло выбирать, к кому из обитательниц острова он отправится в первую очередь.

Все это было чрезвычайно интересным. От намерений злого волшебника снова не осталось и следа.

«Может быть, я не такой уж и злой волшебник, как говорит мой Отец, Король Страх», – засомневался в себе Крикуль и искоса взглянул на шкаф, за которым прятались Оксы в облике очковой змеи. Но ни змеи, ни Очков Короля Страха он не заметил. Порошок лежал без присмотра, так как Сентябрина наблюдала за полетом стрекозы-визитки, и Крикуль незаметно снова засунул пакетик себе под крыло.

Стрекоза, немного покружив над Крикулем, приземлилась прямо на крыло-тайник. На стрекозьей спинке Крикуль прочел имя феи, жившей по соседству с Сентябриной: «Октябрина» – посверкивала вензелями надпись.

– Октябрина с Августиной живут совсем близко. Если хочешь, – Сентябрина заглянула в глаза несколько растерянного Аиста, – можешь начать свои визиты именно с них, а впрочем, выбор за тобой, Крикуль. Надеюсь, тебе везде будет полезно побывать. У каждой моей сестры отменный вкус, свои секретки. С ними не соскучишься. Так что решай сам. А 31 декабря мы с тобой обязательно встретимся на балу у Декабрины. Ты придешь?

– Постараюсь!

Крикуль твердо решил повременить с выполнением задания Отца. Что-то ему подсказывало: время для выполнения операции еще не настало. Ведь он не выяснил еще самого главного: как проникнуть в подвалы волшебниц, где они выращивают тюльпаны с двойниками детей.

У самого выхода из замка Сентябрина окликнула Крикуля-Аиста.

– Ой, я совсем забыла! Какая непростительная оплошность с моей стороны! Забыла предупредить. Тебя сможет сейчас принять любая из сестер, кроме Декабрины. Она дежурит в оранжерее. И с ней ты познакомишься только 31 декабря, хорошо? Вслед за Крикулем увязался целый эскорт стрекоз-визиток. Теперь, когда он остановился, стрекозы зависли над ним стрекочущим облачком.

«Вот еще незадача, только избавился от Оксов, а тут эти шпионки-стрекозы», – подумал злоумышленник, недовольный перспективой иметь соглядатаев.

– А эти тоже со мной? – спросил Сентябрину Кри-куль, покосившись на отряд планеристок.

Одна из стрекоз бесцеремонно уселась прямо на макушку путешественника, и он стал похож на девочку с бантиком. Сентябрина засмеялась:

– Визитки могут лететь к хозяйкам, если ты их отпускаешь. Они просто хотели показать тебе дорогу. Не боишься заблудиться?

– Нет, я хочу сам! – по-мальчишески упрямо пробубнил Крикуль.

– Отлично! До свидания, мой мальчик!

Сентябрина возвращалась домой, и стрекозы послушно последовали за ней. Одна только визитка-хулиганка, та самая, что примостилась у Крикуля на голове, некоторое время еще оставалась на месте. Сентябрина обернулась, пристально посмотрела на своевольницу, и той ничего не оставалось, как присоединиться к подружкам.

Приключения начинаются

Глава, в которой Крикуль

начинает сомневаться в том,

что он злой волшебник.

В этот по-летнему теплый день Крикуль совсем разнежился. Наконец-то он остался в одиночестве и сможет все хорошенько обдумать.

Крикуль-Аист шел по лесной тропинке, которая – как гласил скромный указатель – должна была привести его к замку Октябрины. Если бы Крикуль не спешил уединиться, то заметил бы, что указателем служил флюгер, который от малейшего дуновения ветерка крутился в разные стороны.

Сказочный лес феи Сентябрины стоял стеной по обе стороны дорожки. Лес пленял своей красотой, покоем и умиротворением. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь кроны могучих деревьев, золотой паутинкой соединяли землю с небом.

Крикуль не был знатоком лесного мира, иначе он очень удивился бы, как запросто здесь уживались самые разные растения. Статные веерные пальмы-южанки соседствовали с северными карликовыми березками, скрюченными, словно столетние старушки.

Седовласые тополя, покачивавшие своей пышной гривой,

перешептывались с горделивыми, осанистыми кипарисами. Крикуль слышал, как каждый из них пытается рассказать свою легенду. Но из-за нетерпеливости собеседника и тот, и другой все время перебивали друг друга.

– А я... а мне... а у меня, – слышалось отовсюду. Бразильская гевея, вязы, каштаны, лавры и магнолии – все вели между собой непринужденную светскую беседу, оливы объяснялись в любви мирту.

Спешащий Крикуль решил не останавливаться и не прислушиваться к разговорам деревьев, но не сдержал данного самому себе слова, так как стал свидетелем яростного спора.

– Ара, думай, что говоришь! – по-восточному страстно возмущался могучий древний Платан. – Какой может быть сравнений?! Я – Платан! Мой крона защитит сразу тысяча путник от жара и солнцэ. Кров дат, отдых дат! Живи – нэ хачу. Что эму харощэва может дэлат Гинкго?

– Зацем спорить, Пратана-сан, я – самы древний из деревьев, – не унимался изящный японец. – Я оценъ уважай вас род, но мой род – самы древний. Я зыл исё 300 миррион рет тамю назад. Я – зывой ископаемы. Мой семена – рецебный средство! А немецкий поэта Йикан Гёта-сан написара борисой поэма цесть Верикий Гинкго.

– Слуций, Гинкго! – кипятился Платан. – Харащо! Харащо! Хатэл бы я паслушит этот паэма. Пра што там писал твой паэт? Пра твой мерзкая запах писал? Нэваз-можна, слуций, стоят рядом, так воняешь, ара искапаемая!

– Пратана-сан, на востоке говорят: в споре двух перьвым уморкай тот, кто умней. Я – мудрый Гинкго, уморкай перьвым.

– Чтоб ты протух, нэнавистный болтун! – не унимался Платан. – Сравнил, ара, чинару с веером.

Эта сцена почему-то очень развеселила Крикуля. Идиллическая картина Острова Детства, где царит лишь приторное и притворно-показушное миролюбие, о котором его предупреджал Отец, теперь казалась ему постепенно исчезающим миражом.

Привычное для Крикуля внутреннее напряжение незаметно исчезло, и он мог наслаждаться птичьим пением, стрекотанием цикад, шуршанием в траве маленьких невидимых существ. Незаметно для самого себя Крикуль засмотрелся на малюсенького муравья, который прямо под его ногами старательно и самоотверженно тащил непосильную ношу – гигантскую высохшую, словно мумия, муху-слепня.

Она была в несколько раз крупнее самого носильщика, но настоящий силач-муравей, отдуваясь и делая короткие остановки, упорно волок ее к муравейнику.

Крикуль впервые в жизни наблюдал за насекомыми. Он никогда не мог даже предположить, что это может быть настолько увлекательным занятием. И жизнь их, по сути, ничем не отличалась от жизни других существ. И от его собственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.